

2016

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

ЯНВАРЬ
Выпуск 1 (45)

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПЕРИОДИЧЕСКОМУ ИЗДАНИЮ «ЕЖЕГОДНИК ИМИ»

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ (ИМИ)

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

2016 январь

ВЫПУСК 1 (45)

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:

**А. И. ВАВИЛОВ, Ю. Н. ЗИНИН, А. А. КАЗАНЦЕВ, А. В. КРЫЛОВ,
А. А. ОРЛОВ (РУКОВОДИТЕЛЬ), А. В. ФЕДОРЧЕНКО,
А. Л. ЧЕЧЕВИШНИКОВ, А. А. ЯРЛЫКАПОВ**

**«ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО»:
ФЕНОМЕН, ЭВОЛЮЦИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Москва
ИМИ МГИМО МИД РОССИИ**

УДК 327
ББК 66.4(0),304
И 87

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

(Является приложением к периодическому изданию «Ежегодник ИМИ»)

Институт международных исследований МГИМО МИД России

Выпуск 1 (45)
Январь 2016

Тема: «Исламское государство»: феномен, эволюция, перспективы.

Главный редактор	<i>Александр Орлов</i>
Редактор	<i>Валентина Шанкина</i>
Компьютерная верстка, дизайн	<i>Кирилл Шанкин</i>

Адрес редакции: 119454 Москва,
проспект Вернадского, 76,
Институт международных исследований
МГИМО МИД России

e-mail: ktsmi@mgimo.ru

Отпечатано в типографии
МГИМО МИД России, 2016

Точка зрения авторов исследования
может не совпадать с позицией и
оценками других специалистов
ИМИ МГИМО МИД России

Заказ №
Тираж 500 экз.
Подписано в печать2016

© МГИМО МИД России, 2016

ISBN 978-5-9228-1410-2

АННОТАЦИЯ

В настоящем докладе делается попытка дать междисциплинарный анализ сложного феномена современной реальности, каковым является террористическое образование «Исламское государство» (ИГ), обозначить его перспективы. Анализируются становление, структура, идейно-пропагандистская практика, а также финансово-экономические основы существования «Исламского государства». Указывается на наличие специфических идеологических условий для появления ИГ – «теоретических» моделей исламского государства. Рассмотрены формы и методы проникновения ИГ на территорию Российской Федерации, а также в регионы Закавказья и Центральной Азии. Сформулированы некоторые рекомендации по противодействию ИГ.

Ключевые слова: *террористические организации, «Исламское государство», Ближний Восток, Ирак, Сирия, Турция.*

ABSTRACT

The report aims to provide an interdisciplinary analysis of the complex modern phenomenon - terrorist group the “Islamic State”, and to examine its prospects. It analyzes the formation, structure, and ideological propaganda, as well as the financial and economic basis of the “Islamic State”. The report points to specific ideological conditions – existence of some theoretical models of an “Islamic State”. It ponders on the form and methods of IS penetrating the Russian Federation territory, as well as the Caucasus and Central Asian regions. It makes some recommendations on how to counter the IS.

Key words: *Terrorist Organization, “Islamic State”, Middle East, Iraq, Syria, Turkey.*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Кризис традиционной государственности на Ближнем Востоке и его последствия.....	6
О теоретических моделях «Исламского государства».....	7
Истоки и эволюция «Исламского государства». Структура организации.....	9
Идеология, идейный арсенал и идейная практика.....	15
Гиперактивность в киберпространстве.....	20
Финансово-экономические основы.....	23
Угрозы для России.....	30
Перенос активности «Исламского государства» в Афганистан и Центральную Азию.....	35
Что впереди? (вместо заключения).....	37
Приложения.....	41

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ближний Восток традиционно является зоной военно-политической турбулентности. Народы стран региона, как и в прежние десятилетия, испытывают на себе последствия острых социально-экономических, политических, демографических, экологических и иных проблем. Но даже еще в конце прошлого века едва ли кто-то мог предвидеть, насколько кардинально изменится ситуация. Прошедший 2015 г. не принес нормализации обстановки в тех странах региона, которые живут в условиях перманентных конфликтов. Информация, поступающая из многих ближневосточных государств – без всякого преувеличения – напоминала фронтовые сводки.

Пять лет «арабской весны» показали, что западные страны и некоторые ближневосточные государства по-прежнему пытаются использовать геополитические сдвиги в регионе в своих целях, в том числе для ревизии в своих интересах существующей международно-правовой системы. В своем выступлении на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (28 сентября 2015 г.) президент России В. В. Путин подчеркнул: «Агрессивное внешнее вмешательство привело к тому, что вместо реформ государственные институты, да и сам уклад жизни были просто бесцеремонно разрушены. Вместо торжества демократии и прогресса – насилие, нищета, социальная катастрофа, а права человека, включая право на жизнь, ни во что не ставятся. (...) Уже очевидно, что возникший в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки вакуум власти привел к образованию зон анархии, которые немедленно стали заполняться экстремистами и террористами. Под знамёнами так называемого «Исламского государства» уже воюют десятки тысяч боевиков. (...) Да и само «Исламское государство» возникло не на пустом месте: его также поначалу пестовали как орудие против неугодных светских режимов. Создав плацдарм в Сирии и Ираке, «Исламское государство» активно расширяет экспансию на другие регионы, нацеливается на господство в исламском мире и не только там. Только этими планами явно не ограничивается. Положение дел более чем опасно»¹.

Положение на Ближнем Востоке имеет стратегически важное значение для России как с точки зрения обеспечения национальной безопасности и продвижения наших внешнеполитических интересов, так и в плане развития экономического сотрудничества с государствами региона. Особая роль России на Ближнем Востоке, тем не менее, не всем нравится, и есть влиятельные силы – и региональные, и внерегиональные, – заинтересованные в существенном ослаблении военно-политических и экономических позиций Москвы в этом очень сложном, взрывоопасном, богатом природными ресурсами районе Земного шара, являющемся одним из невралгических узлов мировой геополитики. В этой исключительно непростой международной обстановке наша страна фактически возглавила борьбу с авангардом международного терроризма в лице «Исламского государства». Как заявил В. В. Путин на расширенной коллегии Министерства обороны РФ 11 декабря 2015 г., «комплексное применение сил ВКС и Военно-Морского Флота, использование новейших высокоточных систем оружия позволило нанести серьезный ущерб инфраструктуре террористов, тем самым позволило качественно изменить ситуацию в Сирии»².

«Исламское государство» – сложный и неоднозначный феномен. Сегодня о нем много говорится и в политической сфере, и в экспертной среде, и на бытовательском уровне. В настоящем докладе делается попытка дать научное обоснование феномена «Исламского государства» и его перспектив.

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385>

² URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50913>

КРИЗИС ТРАДИЦИОННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Нынешние границы ближневосточных государств были проведены по границам прежних протекторатов и являются в значительной степени искусственными. Это стало одной из причин того, что сегодня в регионе существует много слабых и неустойчивых государств, а также территорий, управляемых негосударственными структурами. Для региона характерны почти неразрешимые проблемы нациестроительства, фрагментированность социумов и неразвитость институтов государства.

Кризис той модели государственности, что была построена по примеру метрополий, с элементами западной демократии, зачастую декларативной, подталкивал к поиску альтернативных путей политической организации. Первыми «ласточками» стали ХАМАС и «Хизбалла», которые на подконтрольных территориях фактически брали на себя функции государства, предоставляя услуги в сферах образования, здравоохранения, управления. Соответствующие формы общественной и политической самоорганизации мусульман оказались весьма действенными, а в случае «Хизбаллы» — способными не только конкурировать со слабым ливанским государством, но и противостоять силовой машине израильского государства.

Однако и они не в состоянии стать реальной альтернативой государственности. Например, ливанская «Хизбалла» в силу своей конфессиональной ограниченности не может восприниматься в качестве альтернативного проекта суннитской и христианской общинами этой страны. ХАМАС, при декларировании приверженности исламским ценностям тем не менее пытался ориентироваться на ценности демократии и пришел к власти посредством демократических выборов. Исламистами салафитского толка такой подход воспринимается как чуждый исламским ценностям.

Неожиданный и взрывной взлет популярности «Исламского государства» (ИГ)³ полезно рассматривать в подобном контексте поисков альтернативы традиционной государственности на Ближнем Востоке. ИГ берет на вооружение не какую-то реальную модель государства в мусульманском мире, а ту, не исходящую из политической реальности концепцию, которая развивалась в трудах исламских правоведов. Она рисует идеальное «справедливое государство» по Корану и предлагает объединить в национальное государство не нацию, а умму, то есть сообщество верующих. Именно поэтому не имеет смысла рассматривать ИГ как государство в современном понимании. ИГ — это «даула» (арабск. обозначение государства). «В классический период истории ислама, к которому и обращен творческий дух ИГ, даула означало прежде всего династию, но никогда территорию. Даула — образование изначально временное и довольно гибкое, оно нетерриториально, а суверенитет не является его характеристикой, потому что, принадлежа Аллаху, он делегируется Аллахом умме и только от уммы передается имаму, а от него — правителям более низкого ранга. В результате даула представляет собой некую политику, или потестарную систему, в принципе многоуровневую и способную организовываться по сетевому принципу»⁴.

³ В СМИ и политической литературе используются также аббревиатуры ИГИЛ и ДАИШ (в соответствии с предыдущим названием организации — первая аббревиатура на русском языке, вторая — русская транслитерация арабского названия; ИГИЛ — «Исламское государство Ирака и Великой Сирии (Леванта)», ДАИШ — «ад-Даулат аль-Исламия фи-ль-Ирак ва-ш-Шам»).

⁴ Кузнецов В. А. ИГ — альтернативная государственность? Чем объясняется притягательность радикалов для жителей арабского Востока // Россия в глобальной политике. 2015. № 5. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/IG--alternativnaya-gosudarstvennost-17739>

Таким образом, ИГ нашла оптимальную формулу легитимации среди суннитского населения Ближнего Востока, а также некоторых других регионов, потому что еще одним инструментом политического влияния ИГ является присяга на верность «халифу», которым на данном этапе является Абу Бакр аль-Багдади. В такой форме ИГ присутствует на тех территориях, на которых ему удалось получить присягу от лидеров местных боевиков или даже от отдельных боевиков — для него больше важна лояльность, чем контролируемая территория.

По-видимому, ИГ удалось убедить значительную часть суннитского населения на занимаемых территориях в своей аутентичности «традиции» (традиции в кавычках, так как она вся умозрительна, вымышлена). ИГ удалось побороть внешние признаки кризиса традиционной государственности, используя прежде всего тоталитарные и террористические методы. Насколько долго эта модель сможет существовать? Этим вопросом сегодня задаются и политики, и ученые, и широкие слои общественности повсюду в мире.

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЯХ «ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА»

Употребление словосочетания «исламское государство» порождает ассоциации с такими понятиями, как фундаментализм и интегрзм, заставляет обратиться к истокам шариата и «золотому веку» правления Мухаммеда и первых халифов.

По сути, исламские фундаменталисты исходят из того, что классическое мусульманское государство является по своей природе теократическим, и правители, отходящие от этого принципа, провозглашаются «неверными».

За последние 150 лет имели место три волны исламского фундаментализма. Первая — в XIX веке в рамках по противодействию колониальной экспансии на Ближнем и Среднем Востоке.

Новый взлет исламизма пришелся на эпоху борьбы народов Азии и Африки за независимость и самоопределение в середине XX века. Он был ознаменован выходом на арену ряда видных мусульманских теоретиков этого течения. Крупнейшие из них: Абуль Ала Маудуди (1903–1979), живший в Индии, а затем в Пакистане, чья организация «Джамаат-и-Ислами» пользуется большим влиянием и ныне; египтяне Сейид Кутб (1906–1966) и Хасан ал-Банна (1906–1949) — идеологи и создатели организации «Ассоциация Братьев-мусульман» (далее в докладе будет также использоваться аббревиатура АБМ) в арабском мире. Они отвергали «импортные» идеи национализма, капитализма и социализма и в противовес выдвигали исламский идеал как единственно верную альтернативу развития для достижения равенства, братства и благоденствия народа.

В то время как Маудуди склонялся, как правило, к мирным, ненасильственным методам, С. Кутб связывал достижение провозглашенных целей с ликвидацией правящих прозападных режимов и установлением «порядка в рамках исламского государства». Шейх Хасан ал-Банна основал в 1928 г. «Ассоциацию Братьев-мусульман» и до своей смерти был ее «верховным наставником». Он разработал концепции джихада и «исламского государства». Конечной целью «Ассоциации» ставилось создание в странах ислама (начиная с Египта) общества, построенного на принципах «исламской справедливости», строгого соблюдения норм, сформулированных в Коране и шариате.

АБМ прошла путь от благотворительной и просветительской организации (1928–1936) до политической, использующей методы террора как средство борьбы. Она создала разветвленную структуру, включая военизированные формирования с зарубежными филиалами. После смерти руководителей в «Ассоциации» произошел раскол. В эпоху Сейида Кутба — одного их лидеров АБМ, который был казнен в Египте в 1966 г. за террористическую деятельность, — сформировались два «отряда» его последователей. Представители первого выступали за неуклонное продолжение курса, выработанного Кутбом, и критиковали верхи АБМ за отход от него. Представители второго, оставаясь в рядах Ассоциации, частично отвергли

его идеи как идущие вразрез с заповедями шейха ал-Банна. Движение постепенно мимикрировало и с 1980-х гг. пошло по пути большей умеренности, отмежевываясь от насилия и экстремизма. АБМ действовала через сеть мечетей, благотворительных фондов, учебных заведений, вела кампании солидарности, оказания помощи и т.д.

В последней четверти XX – начале XXI веков под флагом массовых движений во всем афро-азиатском мире поднялась новая волна политизации ислама. Это обусловлено:

- увеличением числа новых адептов ислама – жителей Африки и Азии, высоким уровнем рождаемости в традиционных мусульманских обществах (по темпам прироста мусульмане значительно опережают другие мировые конфессии);
- ростом социального недовольства масс в условиях глобализации: из сорока наиболее бедных стран мира в двадцати преобладают или в больших количествах живут мусульмане;
- влиянием исламской революции в Иране, которая стимулировала взлет фундаменталистских идей и исламский бум на Ближнем Востоке, радикализацию палестинского движения, «Хизбаллы», других религиозных групп в арабском мире, а также в отдельных других регионах Азии;
- обострением религиозных чувств населения после неудач, которые испытывали страны Ближнего Востока в войнах с Израилем, вслед за поражением в июньской войне 1967 г., после вторжения США и Великобритании в 2003 г. в Ирак и свержения С. Хусейна, операции НАТО против режима Каддафи в Ливии в 2011 г.;
- большой финансовой и прочей помощью, поступающей в исламские страны из Саудовской Аравии, других богатых нефтедобывающих монархий. Через всевозможные организации и фонды саудовцы ведут миссионерскую деятельность в различных регионах планеты, опираясь на проповедь ваххабизма, создают сети мечетей, медресе и религиозных центров повсюду в мире, субсидируют близких им по духу приверженцев ислама;
- сдвигов в мире после прекращения «холодной войны» и распада СССР; в результате этого ряд секуляризированных режимов в арабо-мусульманском мире оказался без прежнего партнера-союзника перед лицом как Запада, так и внутренней исламской консервативной оппозиции. Следствием этого стало падение режимов в Афганистане, Южном Йемене, деформация власти в Ираке, общее ослабление левых и светских партий, течений, сужение их влияния. Отступление идеологии коммунизма нанесло удар по разного рода левым, промарксистским течениям и группам, которые традиционно противостояли исламистам на Ближнем Востоке. В итоге была отброшена возможная левая альтернатива существовавшему порядку.

Идеологический вакуум, образовавшийся после ухода этих сил, заполнили преимущественно религиозные течения, в том числе экстремистские. Они порою заимствовали тезисы и аргументы у своих противников, оборачивая их в религиозную упаковку и претендуя на главенство среди других сил в защите социальных интересов граждан.

Впрочем, подъем политического ислама в 400-миллионном арабском регионе – части полутора миллиардного исламского мира – не означал автоматической и всеобщей радикализации этого течения. Исламистов в целом некорректно считать вечно монолитной и гомогенной массой. Политический ислам – разнороден в зависимости от региона, где зародился и пропагандируется, и несет на себе отпечаток специфики каждой страны. Здесь есть и экстремистские фракции, которые проповедуют насилие и скатываются к террору. Они составляют незначительное меньшинство, но сильны заразительным радикализмом, жадной борьбой, что привлекает прежде всего молодежь. Следует отметить умение этих групп нащупать пульс социально уязвимых слоев общества, их динамизм, их способность организоваться – особенно по сравнению с раздробленной светской оппозицией.

С начала «арабской весны» в 2010 г. в ряде стран наблюдается взлет влияния исламистских сил. Не будучи движущими силами этих выступлений, они оседлали революционную волну, получили свободу рук, вышли из подполья или полуподполья. Партии АБМ-ского направления смогли одержать победу на парламентских выборах в Египте и Тунисе, закрепиться в Ливии и в разрозненной сирийской оппозиции, сформировать правительство в Марокко и получить более трети мест в парламенте Кувейта. Большинство арабских аналитиков и по-

литологов видят в риторике и идеологических тезисах этого феномена отпечатки теории и практики школы «Братьев-мусульман».

ИСТОКИ И ЭВОЛЮЦИЯ «ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА». СТРУКТУРА ОРГАНИЗАЦИИ

Террористическая организация «Исламское государство» (ИГ), носившая до провозглашения «халифата» в июне 2014 г. название «Исламское государство Ирака и Великой Сирии (Леванта)» — сокращенно ИГИЛ, возникла в 2003 г. на фоне вторжения сил коалиции НАТО во главе с США в Ирак. В результате интервенции была уничтожена государственная структура, существовавшая при режиме С. Хусейна, включая ее важнейший элемент — вооруженные силы. Кроме того, было нарушено и без того хрупкое равновесие между основными конфессиями страны — шиитами (около 60 %) и суннитами, среди которых большинство — курды (около 20 %). Ставка, сделанная американцами на шиитское большинство и марионеточное правительство во главе с Нури аль-Малики, шиитским лидером исламской «Партии Призыва», была безуспешной — если не сказать провальной. Вакуум безопасности и межконфессиональная конфронтация продолжали разрастаться. Закономерной реакцией в сложившейся противоречивой ситуации стало образование в 2004 г. нескольких филиалов «Аль-Каиды», включивших в себя и часть бывших военнослужащих армии С. Хусейна. Наиболее влиятельной среди этих группировок оказалась «Аль-Каида в Месопотамии», основателем и духовным лидером которой был Абу Мусаб аз-Заркауи — ближайший соратник Усамы бен-Ладена.

После гибели аз-Заркауи в результате удара американской авиации в июне 2006 г. иракский филиал «Аль-Каиды» возглавили Абу Айюб аль-Масри и его помощник Абу Умар аль-Багдади. Под их руководством более десятка разрозненных суннитских джихадистских партизанских групп были объединены в единую структуру. Новое образование получило название «Исламское государство Ирака». До начала событий «арабской весны» в 2011 г. группировка насчитывала не более 4 тыс. человек. Ее деятельность первоначально, как отмечают некоторые источники, финансировалась нефтедобывающими странами Персидского залива — Саудовской Аравией, Катаром и Кувейтом⁵.

Боевики «Исламского государства Ирака» провели ряд успешных операций против иракских военных, сражавшихся на стороне натовской оккупационной коалиции. Но уже к апрелю 2010 г. американским войскам, базировавшимся в Ираке, удалось ликвидировать руководство нового исламистского образования, что привело к его значительному ослаблению. Командующий вооруженным контингентом США в Ираке Р. Одиерно рапортовал, что «Исламское государство Ирака» полностью обезглавлено, 80 % боевого состава организации ликвидировано, блокированы все каналы финансирования и связи с отделениями «Аль-Каиды» в Афганистане и Пакистане⁶.

Можно предположить, что иракский клон «Аль-Каиды» так и оставался бы заурядной исламистской группировкой, как и многие подобные образования, действующие в вакууме безопасности в горячих точках Ближнего Востока и Северной Африки на деньги зарубежных спонсоров. Никто из аналитиков не рассчитывал, что пришедший на смену ликвидированным главарям (февраль 2011 г.) командир небольшого отряда джихадистов «Собрание Шуры моджахедов» («Меджлис Шура аль-муджахедин») Абу Бакр аль-Багдади (настоящее имя Ибрагим Ауад Али аль-Бадри) через несколько лет станет главой самой мощной террористической организации начала XXI века, мимикрирующей под государственно оформленную систему.

⁵ Understanding the rise of ISIL/Da'esh (the "Islamic State"). The EU Parliament Briefing, 17 March, 2015; Private Donors' Funds Add Wild Card to War in Syria // The New York Times, 12.11.2013.

⁶ Al Qaeda Leaders in Iraq Neutralized, US Says // The New York Times, 04.06.2010.

После обострения обстановки в Сирии и Ираке в 2011 г. Абу Бакр аль-Багдади поменял тактику, перейдя на самообеспечение и самофинансирование за счет грабежей, рэкета, перераспределения фискальных потоков, захвата доходных предприятий, заложников с целью получения выкупа и т. п. Тактика оправдала себя. Сейчас, по данным российских и западных источников, «Исламское государство» насчитывает около 80 тыс. человек: 50 тыс. террористов в Сирии и 30 тыс. — в Ираке. Согласно оценкам американских спецслужб, более 1 тыс. террористов пополняют ряды ИГ ежемесячно, а общее число иностранцев, воюющих на стороне организации, составляет 25–30 тыс. человек — выходцев почти из 100 стран мира⁷. Еще 15 тыс. исламистов из различных экстремистских группировок присягнули на верность «халифату» в Ливии, Египте, Тунисе, Алжире, Марокко, Иордании, Турции, Йемене, Афганистане, Пакистане, Узбекистане, Нигерии, Мали, Нигере и Чаде⁸.

ФСБ России подтвердила, что в рядах «Исламского государства» воевали к концу 2015 г. 2 400 российских граждан, а Национальный антитеррористический комитет России сообщил, что в отрядах ИГ получают боевой опыт выходцы из группировки «Имарат Кавказ», а также сторонники течения «Хизб ут-Тахрир»⁹. Судя по тому, что свою пропагандистскую литературу «Исламское государство» издает на пяти европейских языках, там действительно немало людей, рекрутированных за пределами Ближнего Востока. По данным на ноябрь 2015 г., приведенным заместителем министра иностранных дел РФ по противодействию терроризму О. В. Сыромолотовым, под знаменами ИГ сражалось более 25 тыс. иностранных террористов-боевиков, в том числе из арабских стран, Европы, России и других стран СНГ. Из России в Сирию выехало 2 719 российских граждан, 160 из них уже уничтожены, 73 вернулись и осуждены, еще 36 арестованы¹⁰. Таким образом, ИГ стало центром притяжения джихадистов, мигрирующих между странами Ближнего и Среднего Востока, Северной, Западной и Восточной Африки, реально превратившись в террористический интернационал.

На территориях, контролируемых ИГ, осуществляются популистские мероприятия: бесплатная раздача медикаментов и питания, сладостей и игрушек для детей, семьи погибших боевиков получают пособия и иные льготы, принимаются жесткие меры по борьбе против расцветшей за последнее десятилетие преступности и т. п. Трансформировавшееся из филиала «Аль-Каиды» в самостоятельную организацию салафитского толка «Исламское государство» в настоящее время предпринимает шаги, в том числе военные, для объединения с сирийским отделением «Аль-Каиды» — «Джабхат ан-Нусра» («Фронт помощи»).

Группировка снискала репутацию одной из самых жестоких исламистских организаций. Террористы ИГ несут ответственность за многочисленные теракты против наговских сил на территории Ирака, массовые расстрелы иракских и сирийских военных, геноцид иноверцев и вовлечение в преступную деятельность малолетних детей. Ближайшая цель организации — создание исламского суннитского государства на территории Сирии, Ирака и Ливана, живущего по законам шариата.

«Исламское государство» громко заявило о себе летом 2014 г., когда боевики начали полномасштабное наступление на северные и западные районы Ирака. Им в течение месяца удалось взять под свой контроль несколько крупных городов, включая Мосул и Тикрит, и вплотную подойти к Багдаду. В Сирии экстремисты оккупировали северную провинцию Рака, в столице которой размещается штаб-квартира ИГ, и вплотную приблизились к основным сирийским городам (Дамаск, Алеппо, Хама и Хомс).

В конце июля 2014 г. исламисты выдвинули ультиматум: все христиане Мосула должны были либо принять ислам, либо платить джизью, либо покинуть город, что тысячи из них и сделали, перебравшись в соседнюю курдскую автономию Ирака. После исхода христиан исламисты принялись за курдов, исконно проживавших в этом городе. Отказывавшихся выполнить их требования, включая и молодых людей, экстремисты массово и показательно казнили, в том числе закапывая заживо. Три сотни женщин были проданы в рабство.

Согласно докладу Комитета ООН по правам детства, опубликованному в начале 2015 г.,

⁷ 25,000-30,000 foreigners fighting for ISIS - Russian dep. defense minister Anatoly Antonov // RT, 05.11.2015.

⁸ The Islamic State". The Report by Richard Barrett, Head of the UN's al-Qaida and Taliban monitoring group. N.Y., November 2014.

⁹ РИА «Новости», 18.09.2015.

¹⁰ Независимая газета. 2015. 19 ноября. URL: <http://www.ng.ru/news/524372.html>

террористы ИГ систематически убивали детей, представлявших этнические или религиозные меньшинства, используя массовые казни, обезглавливание, распятие и погребение заживо. По данным ООН, к сентябрю 2014 г. только в Ираке в результате преступных действий ИГ погибло или было искалечено почти 700 детей. В докладе сообщалось о торговле детьми как рабами, «выставляемыми на рынке с табличками с ценой», а также о «систематическом сексуальном насилии над ними». Иногда несовершеннолетних похищали, а порой сами родители были вынуждены отдавать детей в руки джихадистов.

За несколько дней в конце июля 2015 г. боевики ИГ похитили в Мосуле более 180 детей. Подростки делали бомбы, на которых потом сами и подрывались, поскольку нередко использовались как камикадзе. С января по июль 2015 г. в Сирии погибло более полусотни завербованных ИГ детей, в том числе около двух десятков стали смертниками. Мобилизованные восьмилетние, а то и младше, «львята халифата» проходят курс «молодого бойца» в сотне специально открытых детских тренировочных лагерей и школ, в том числе учатся на куклах с помощью взрослых наставников обезглавливать своих будущих жертв. Немало внимания уделяется и их религиозному воспитанию в борьбе с «шиитской ересью» или перевоспитанию, если ребенок взят, к примеру, из семьи езидов или приверженцев какой-либо другой веры. По сообщениям СМИ, функционеры ИГ через открытые специальные офисы на захваченных сирийских территориях с начала 2015 г. завербовали более 1,1 тыс. детей.

Жители Мосула из расклеенных по всему городу плакатов узнали, что должны предоставлять своих незамужних дочерей бойцам ИГ для «джихад ан-никах» — «сексуального джихада». Страждущие боевики навещали в дома горожан в поисках вожаковой добычи. Не забыли исламисты и одиноких женщин, которые могут зарегистрировать свой брак с активистами ИГ в специально открытом для этого бюро на севере Сирии. Через несколько месяцев в мировые СМИ попала инструкция по обращению с пленными и захваченными женщинами, разрешавшая их насилловать, независимо от возраста. Среди 27 пунктов содержались также указания, как женщин можно было брать в плен, как и куда бить и можно ли торговать пленницами. Это варварское наставление зачитывали жителям подконтрольных ИГ районов вслух после пятничной молитвы.

Экстремисты захватили и центр по производству химоружия, который использовался во времена правления С. Хусейна, а затем получили доступ к радиоактивным материалам (около 40 кг соединений урана), хранившимся в научных и учебных целях в университете Мосула. В сентябре 2014 г. МИД России призвал Организацию по запрещению химического оружия (ОЗХО) провести тщательное, беспристрастное и комплексное расследование случаев возможного использования химоружия боевиками в Ираке и Сирии, которые «поднаторели в применении токсичных химикатов в качестве боевых отравляющих веществ», сваливая затем вину на сирийские правительственные войска.

Тревожные предположения Москвы вскоре подтвердились: в марте 2015 г. в боях с правительственной армией, курдскими силами «пешмерга» и ополченцами, освобождавшими Тикрит, экстремисты применили хлорсодержащие боевые отравляющие вещества. Они же были использованы через месяц при обстреле города Ар-Рамади. В конце июля 2015 г. применение экстремистами химоружия в Сирии и Ираке против курдских ополченцев и гражданских лиц было официально подтверждено экспертами двух британских организаций — «Conflict Armament Research» и «Sahan Research». В конце августа 2015 г. боевики ИГ обстреляли химснарядами жилые кварталы города Маре в сирийской провинции Алеппо. Под давлением неопровержимых фактов к середине августа 2015 г. о «возможном применении» химоружия (иприта) боевиками ИГ против курдов в Ираке были вынуждены заговорить и американцы.

ИГ приблизилось к Багдаду на расстояние менее чем в 100 км, почти не встречая сопротивления иракской армии, на возрождение которой после своего ухода из Ирака в 2011 г. США затратили 41,6 млрд долл. В декабре 2014 г. в армейских рядах обнаружилось около 50 тыс. фиктивных солдат, средства на содержание которых оседали в карманах военных чиновников. В результате плохо подготовленные армейские подразделения при приближении отрядов экстремистов спасались бегством раньше мирных жителей, бросая боевую технику и вооружения, в том числе полученные от США.

По данным замгенсека ООН по гуманитарным вопросам В. Амос, уже к началу июня 2014 г. около 1,2 млн жителей Ирака были вынуждены оставить свои жилища, спасаясь нашествия

исламистов. Через месяц ООН объявила высший, третий, уровень гуманитарного кризиса в Ираке. Через год, по данным Международной организации по миграции, число вынужденно перемещенных лиц в Ираке возросло более чем вдвое, превысив 3 млн человек.

Расширяя земли своего «государства», террористы захватили ряд ключевых КПП на границе с Иорданией. После серии громких терактов в политически и конфессионально разбалансированном Ливане там также стали нарастать опасения в связи с возможностью появления анклавов ИГ. Саудовская Аравия после нападения террористов ИГ на ее КПП на границе с Ираком решила отгородиться целой системой укреплений из заборов с колючей проволокой под высоким напряжением, ровов, датчиков движения и вышек с радаром. Укрепленная система должна протянуться на 965 км вдоль всей северной границы королевства от Кувейта до Иордании.

Население территорий, находящихся под контролем ИГ, составляет от 8 до 12 млн человек¹¹ (см. Приложение 1). Вне территории Ирака и Сирии ИГ распространяется очаговым методом, и зоны его контроля напоминают «леопардовую шкуру». «Исламскому государству» удалось закрепиться в ливийской восточной провинции Барка (Киренаика). 5 октября 2014 г. Совет Шуры исламской молодежи Ливии объявил Барку территорией, находящейся под контролем ИГ. К февралю 2015 г. сторонники «халифата» установили свои порядки в Дерне, Нофалии и эль-Мабруке, а также осадили районы нефтедобычи в г. Сирт.

10 ноября 2014 г. члены террористической организации «Ансар Бейт аль-Макдис» («Защитники Дома Святости»), которая действует на Синае и насчитывает до 2 тыс. человек, объявили о провозглашении Синайского вилайета «Исламского государства». Часть боевиков «Ансар Бейт аль-Макдис», находящихся в Газе, заявили, что отныне этот район будет носить название «Исламское государство Газы». Несколько подразделений талибов, действующих на границе Афганистана и Пакистана и объединенных под руководством Хафиза Саид Хана и Абдул Рауфа, признали «халифат» и получили от аль-Багдади соответственно титулы «правителя» и его «заместителя» в афганской части Хорасана. О присоединении к «халифату» аль-Багдади заявили члены алжирской джихадистской группировки «Джунуд Аллах» («Воинство Аллаха»), исламистская подпольная организация «Сыновья призыва к Единению и Джихаду», действующая в Иордании, аффилированная с «Аль-Каидой» йеменская террористическая организация «аль-Ансар аш-Шариа», исламистская террористическая группировка Абу Сайяфа на Филиппинах и в Малайзии, несколько радикальных исламистских организаций в Пакистане, а также «Исламское движение Узбекистана» (лидер Усман Гази) и ряд группировок, состоящих из иностранцев, в основном чеченцев, таджиков, туркмен, воюющих в Сирии против правительственных войск. В марте 2015 г. нигерийская исламистская террористическая организация «Боко харам» («Иностранное просветительство запрещено») также присягнула на верность ИГ.

Вполне возможны попытки создания клонов «халифата» в Западной или в Восточной Африке. Такой вариант вероятен для стран «исламского африканского пояса», включающего государства Северо-Западной Африки, Сомали, Эфиопию. Прозрачность национальных границ помогает радикальным исламистам перемещаться в этой части Африки (Сахель), искать свои ниши. Уровень межэтнических конфликтов здесь выше, чем в Северной Африке. Достаточно вспомнить историю с провозглашением в Мали в апреле 2012 г. туарегского «Независимого государства Азавад» (с территорией, в два раза превышающей размеры ФРГ и населением более 1 млн человек), контроль над которым достаточно быстро перешел к исламистам¹². В августе 2014 г. на сайте ИГ была представлена карта — изображение территорий, которые войдут в состав «халифата» к 2020 г. Как видно, в перспективе предполагается расширение «Исламского государства» до границ «классического халифата» — от Испании до Индии (см. Приложение 2).

В первый день месяца Рамадан, 29 июля 2014 г., ИГ объявило о создании «халифата» на контролируемой территории Ирака и Сирии. В тот же день на общем сходе сторонников организации глава иракского отделения «Аль-Каиды» Абу Бакр аль-Багдади был провозглашен под именем Ибрагим Багдадский «халифом», то есть наместником Пророка над мусуль-

¹¹ Birke S. How ISIS Rules? N.Y.: The New York Review of Books, December 9, 2014.

¹² Федорченко А.В. Исламское государство: истоки, современное состояние, перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 1. С. 280–281.

манской общиной. В программном документе ИГ с весьма красноречивым названием «Это — обещание Аллаха» утверждается, что аль-Багдади ведет свою родословную от племени курейш, выходцем из которого был пророк Мухаммед, и это дает ему законное право стать его преемником, то есть «халифом».

По публикациям в СМИ, «халиф» Ибрагим, сменивший форму полевого командира на одежды мусульманского богослова, в 2004 г. арестовывался американскими оккупационными властями и содержался в тюрьме «Кэмп Бука». В документах, опубликованных бывшим сотрудником АНБ США Э. Сноуденом, содержались сведения, которые могут свидетельствовать о том, что аль-Багдади сотрудничал с ЦРУ, британской и израильской разведками¹³.

«Халифат» обладает некоторыми формальными атрибутами государства. У него есть подконтрольная территория, сопоставимая с территорией Великобритании. Своя столица — г. Ракка. Считается, что суннитское население на этой территории в основном поддерживает новую власть. Власть в свою очередь реализует своего рода государственную стратегию, включая и социальную политику, через представленный ниже механизм государственного управления (см. Рисунок).

Рисунок. Структура так называемого «Исламского государства»*.

* Информация о структуре ИГ была получена в результате операции по уничтожению Абу Абдурахмана аль-Билави, успешно проведенной иракской разведкой в июне 2014 г. В его штаб-квартире были обнаружены документы, содержащие сведения о лицах, занимающих руководящие посты в министерствах и ведомствах «Исламского государства». Представленная выше структура ИГ составлена на основе этих документов.

У «халифа» имеются два заместителя (амиры) — Абу Муслим аль-Туркмани (отвечает за Ирак) и Абу Али аль-Анбари (отвечает за Сирию). Ему подчинены 12 губернаторов (вали) подконтрольных «Исламскому государству» районов Сирии и Ирака и кабинет министров.

В настоящее время насчитывается шесть министерств: военное ведомство (Абу Абдурахман аль-Билави, был убит в июне 2014 г. в результате атаки иракских проправительственных войск на Мосул; пока нет сведений, кто его заменил); общей безопасности (Абу Луай Абу Али); финансов (Абу Салах, убит в результате авианалета ВВС США в декабре 2015 г.); по делам тюрем и заключенных (Абу Мухаммед); транспорта и коммуникаций (Абу Хаджар

¹³ Former CIA Agent: The ISIS Leader Abu Bakr Al Baghdadi Was Trained by the Israeli Mossad // The World Observer, 12.08.2014.

аль-Ассафи), министерство по работе с иностранными наемниками (Абу Касем). Общее руководство министерствами осуществляет Абу Абдул Кадер.

Считается, что министерства возглавляют люди, имеющие профильное высшее образование. Так, министерством финансов руководит выходец из Австралии, имеющий высшее экономическое образование и опыт работы в финансовых учреждениях. Правительственный аппарат насчитывает около 25 тыс. человек, в том числе бывших активистов партии Баас и офицеров среднего и высшего звена иракской армии. Каждый из этих людей имеет определенное направление работы или отвечает за конкретный географический район; их заработная плата колеблется в диапазоне от 300 до 2 000 долл. в месяц.

Исполнительные функции отводятся также Военному совету, который подчиняется непосредственно аль-Багдади. Военный совет состоит из военачальников, которые разрабатывают военные и диверсионные операции. До недавнего времени Военный совет возглавлял Абу Ахмед аль-Аллауани. По некоторым данным, после его гибели в результате авиаудара ВВС США Совет возглавил Абу Умар аш-Шишани (Тархан Батирашвили), командир чеченской группировки, воюющей в Сирии и Ираке. В Военном совете представлены также Абу Кифах, который отвечает за планирование и проведение операций с использованием взрывчатых материалов и взрывных устройств; Абу Шема, отвечающий за обеспечение военных частей довольствием и боеприпасами; Абу Суджа, ведающий вопросами оказания помощи и поддержки семьям погибших, вдовам и сиротам.

Представительские и консультативные функции – прерогатива Совещательного совета «Исламского государства» (Шура), состоящего из 11 полевых командиров и мусульманских богословов, которые рассматривают каждое решение губернаторов и министров на предмет их соответствия нормам шариата. Члены Совета Шуры, назначаемые лично аль-Багдади, также решают вопросы, связанные с кадровыми назначениями. Возглавляет Совет Шуры Абу Аркан аль-Амири, который считается лицом, наиболее приближенным к «халифу».

Особая роль в руководящих органах ИГ отводится Совету муфтиев, состоящему из трех религиозных авторитетов, которые решают вопросы, касающиеся шариата и шариатского суда. Верховный суд возглавляет Абу Мухаммед аль-Аани. Ему подчиняются городские и местные суды. В целях защиты местного мусульманского населения от внешней зависимости и инородных религиозных и культурных влияний Совет муфтиев направляет деятельность Исламской полиции (аль-шурта аль-исламиyyа) – своеобразной полиции нравов. Это учреждение держит под контролем рынки, школы, мечети, пункты общественного питания, АЗС и прочие места большого скопления людей. Исламская полиция следит за тем, чтобы магазины закрывались во время мусульманских молитв и праздников, женщины и мужчины одевались в соответствии с мусульманскими традициями и т. п. Нарушители доставляются в тюрьмы, где их ожидает суд, руководствующийся в своих решениях законами шариата и адата (свод традиционных средневековых обычаев). Под контролем Совета муфтиев ИГ находится также сеть религиозных школ, которые являются одновременно центрами по пропаганде идеологии джихадизма и вербовки новобранцев для военизированных формирований. Диван (список) учебных заведений был утвержден одним из первых указов «халифа» аль-Багдади.

Важным звеном в организационной системе является информационное управление. Центральной фигурой в разветвленной структуре СМИ «Исламского государства» является Мухаммед аль-Аднани аш-Шаами. Обычно именно он делает официальные видео обращения от лица аль-Багдади или от имени ИГ. В распоряжении аш-Шаами находится довольно мощная пропагандистская машина, включающая четыре подразделения: «Al-Furqan Institute for Media Production» – основное информационное бюро «Исламского государства»; «Al-Itisam Media Foundation» представляет собой студию по производству фильмов и другой видеопродукции; «Al-Hayat Media Center» издает печатные материалы на иностранных языках, которые рассчитаны на зарубежного потребителя, в том числе многотиражный журнал «Дабик»¹⁴, и «Al-Ajnad Media Foundation», специализирующийся на распространении исламских песен, музыки и поэзии, приемлемых с точки зрения шариатских норм и морали для

¹⁴ Дабик – название города в Сирии, где в соответствии и исламской традицией произойдет решающая битва между мусульманами и неверными.

мусульманской аудитории¹⁵. В различных провинциях Сирии и Ирака функционируют также местные информбюро, оказывающие в печатном или электронном формате пропагандистское и психологическое воздействие на массовое сознание. Медиаиндустрия «Исламского государства» ежемесячно тиражирует около 2 тыс. наименований различной аудио/видео и печатной продукции.

В руководящих органах самопровозглашенного халифата доминируют в основном иракцы и сирийцы. Однако среди полевых командиров и чиновников на руководящих должностях в информационно-пропагандистских структурах и министерстве по работе с иностранными наемниками есть также чеченцы, туркмены, албанцы, боснийцы, йеменцы, граждане арабских стран Персидского залива и даже выходцы из США и Европы. Так, например, ведомство по вербовке иностранцев с использованием Интернета и других современных видов коммуникации возглавляет некий Ахмед абу Самра – выходец из США.

Известный британский эксперт по Ближнему Востоку Ф. Гарднер сообщает, что ИГ довольно быстро удалось наладить работу служб по ремонту дорог, мостов, разрушенных зданий, обеспечить охрану захваченных территорий и бесперебойное снабжение населения продуктами питания, медикаментами, топливом, водой, электроэнергией, газом и бензином, открыть сеть шариатских школ¹⁶.

Очевидно, что «Исламское государство» – весьма гибкая, относительно жизнеспособная и быстро восстанавливающаяся в критических условиях структура, имеющая горизонтально-сетевую конструкцию и способная выйти за пределы ныне существующих границ «халифата».

ИДЕОЛОГИЯ, ИДЕЙНЫЙ АРСЕНАЛ И ИДЕЙНАЯ ПРАКТИКА

Как минимум с 2004 г. группировка ставила своей целью создание религиозного исламского государства, причем именно в форме «халифата», который управляется религиозными властями во главе с «халифом», признающимся преемником пророка Мухаммеда, его «заместителем». Объявление халифом аль-Багдади в июле 2014 г. требовало серьезных оснований, которые были изложены в специальном манифесте «Это обещание Аллаха», в котором новоявленный халиф провозглашен выходцем из семьи Пророка: из племени курайш и рода хашим, как и пророк Мухаммед¹⁷.

Объявление аль-Багдади халифом формально давало ему право требовать полного подчинения всех мусульман мира. Опубликованный ИГ манифест объявлял: «Законность всех эмиратов, групп, государств и организаций становится ничтожной через распространение власти халифата и прибытие его войск на их территории»¹⁸.

То, каким образом была обоснована правомочность претензий аль-Багдади на халифат, однозначно говорит об ИГ как о суннитской организации. Однако более четко определить идеологию ИГ очень трудно из-за ее эклектичности. Большинство экспертов определяет идеологию ИГ как «салафитскую», «салафитско-джихадистскую», или как «суннитский исламизм». В то же время весьма симптоматично, что большинство салафитских группировок не признало ИГ не только «халифатом», но даже считает этот проект антиисламским.

Есть версия, согласно которой идеологические корни ИГ можно проследить в идеологии ваххабизма. В подтверждение этого ссылаются на широкое использование ваххабитских

¹⁵ ISIS: Portrait of a Jihadi Terrorist Organization. Tel Aviv: The Meir Amit Intelligence and Terrorism Center. November 2014.

¹⁶ Gardner, Frank. “Jihadistan”: Can Isis militants rule seized territory? // BBC News, 08.06.2014.

¹⁷ “This is the promise of Allah”. Alhayat Media Center. P. 5. Published in: <http://msnbcmedia.msn.com/i/MSNBC/Sections/NEWS/z-pdf-archive/20140629-isil-manifesto.pdf>

¹⁸ Ibidem.

религиозных учебников в школах на территории, контролируемой ИГ¹⁹. Эта версия имеет под собой определенные основания: ранние группировки, позднее образовавшие ядро ИГ, составили филиал «Аль-Каиды в Ираке», «Аль-Каида» же была создана выходцами из Королевства Саудовская Аравия, воспитанными на ваххабитской идеологии.

Для понимания ваххабитских корней идеологии ИГ следует учитывать, что появились признаки мутации современного ваххабизма в КСА, и он ныне не столь един, как прежде. Наряду с «классическими ваххабитами» там появилось довольно много других групп. В связи с влиянием на идеологию ИГ интересна группа ваххабитов-«джихадистов». Эти люди разошлись с остальными ваххабитами в вопросе методов: они считают, что сегодня необходимо всем мусульманам без исключения вести оборонительный джихад, поскольку они (мусульмане) везде якобы подвергаются агрессии. Идеологи этой группы ваххабитов поддерживают «Аль-Каиду», тесно сотрудничая с ней. Саудовский режим вначале успешно вытеснял их за пределы королевства. В частности, действия джихадистов в Афганистане в период советского военного присутствия в этом государстве отвечали интересам и КСА, и США. После вывода советских войск джихадисты обосновались и в других странах. Однако к 2000-м гг. они стали покушаться уже на устои самого КСА, что вызвало ответные репрессивные меры саудовского режима. Именно тогда их лидеры – шейх Мухаммед аль-Кахтани, известный мухаддис (знарок хадисов) шейх Сулейман аль-Ульван, шейх Абу Мухаммед аль-Макдиси – были отправлены за решетку. Последний – духовный наставник аз-Заркави, стоявшего у истоков ИГ. Всех этих «лидеров» и их последователей обычно называют «хариджитами», подчеркивая не только их непримиримость и крайность в вопросах, касающихся веры и религии, но и их «сектантство». Имея корни в этом крыле ваххабитского движения, идеология ИГ пошла настолько дальше, что даже самые крайние идеологи ваххабитов-«джихадистов» стали отказывать им в легитимности.

ИГ следует экстремистской интерпретации ислама, оправдывает насилие религиозными соображениями, а также объявляет всех, кто не принимает его интерпретацию ислама, неверными и отступниками. Эта группировка ратует за возвращение к порядкам первых веков ислама, что нашло отражение в символах ИГ. В частности, на официальном флаге черного цвета расположена печать пророка Мухаммеда со словами «Мухаммед посланник Аллаха», а над ней расположены слова «Нет Бога, кроме Аллаха». Помимо прочего, это должно подчеркнуть, что ИГ является полным и единственным преемником халифата времен четырех первых «праведных» халифов. Все последующие халифаты после первых четырех «праведных» халифов, в том числе и последний, Османский, халифат, обвиняются в том, что отступали от чистоты первоначального ислама, внося в него различные «непозволительные» новшества. Современные мусульмане, которые, по мнению идеологов ИГ, забыли Божественный Закон и следуют в большинстве своем светскому праву национальных государств, являются неверующими. В эту же категорию ИГ относит и современную саудовскую королевскую фамилию, и правительство КСА.

Только халифат ИГ, считают его основатели, имеет легитимный характер впервые со времен «праведных» халифов. «Легитимности» придается большое значение, потому что, согласно их идеологии, только легитимная с точки зрения исламского права власть имеет право претендовать на лидерство в вооруженном джихаде, то есть быть первой относительно других групп джихадистов, воюющих на других территориях, и, соответственно, располагать их людскими, финансовыми, военными ресурсами. Следует отметить, что с такой ситуацией Россия уже сталкивалась, когда джихадисты в Чечне во главе с Шамилем Басаевым под этим предлогом требовали от сочувствующих им мусульман по всему Северному Кавказу присоединения к ведущимся ими боевым действиям (которые они описывали как «джихад»).

В идеологии ИГ большое значение имеет эсхатология: идеологи ИГ в своей пропаганде утверждают, что ожидается прибытие исламского Мессии – Махди – буквально в ближайшее время. Идеологи ИГ избрали в качестве наименования «официального» электронного издания название сирийского города Дабик, который в одном из хадисов назван местом последней битвы мусульман с «римлянами» (идеологи ИГ также исполь-

¹⁹ David D. Kirkpatrick. ISIS' harsh brand of Islam is rooted in austere Saudi creed // The New York Times, 24 September 2014.

зуют в этом смысле слово «крестоносцы»)²⁰.

Идеология и практика ИГ подвергается жесткой критике даже со стороны самых влиятельных джихадистских богословов. Они критикуют ИГ как насильственное образование, а его самопровозглашенный «халифат» как абсолютно ничтожный²¹. Салафитские джихадистские муфтии Аднан аль-Арур и ат-Тартуси вообще отказывают ИГ в принадлежности к суннитам, считая их современными хариджитами, отошедшими от суннизма и служащими антиисламским силам²².

Идеи ИГ получили широкую огласку во многом благодаря изворотливости пропагандистского аппарата этой организации, прежде всего использованию технологических новинок в сфере сетевых мультимедиа, хорошо зарекомендовавших себя в ходе «арабской весны».

Ныне функционирует более 650 спутниковых арабских телеканалов. Поток джихадистских идей льется из десятков местных телеканалов клерикальной направленности. Многие медиаресурсы в погоне за сенсацией афишируют людей с бородами, в черных чалмах, разгоняя по всему миру волну информации о них. При их поддержке водоворот событий выносит исламистов на уровень медиазвезд или в ранг лиц, принимающих политические решения.

Риторика пропагандистов отличается высоким эмоциональным накалом. Она взвинчивает людей, подстегивает их чрезмерную самооценку и уверенность в превосходстве над иноверцами, разогревает ненависть к инакомыслящим. Постоянные напоминания, что мусульмане — носители последнего откровения Всевышнего, утверждают у них представление о том, что причина всех бед лежит не в неспособности принять современность и адаптироваться к ней, а в недостатке истинной веры.

Одна из главных идеологических опор ИГ — направленность против «тирании и деспотизма» как врагов верующих. Эти тезисы вбрасываются, чтобы завоевать популярность у всех недовольных и ущемленных людей. Многие арабские эксперты сходятся в том, что ИГ идет по стопам афганских талибов. Подобно талибам, рекрутируется масса молодых людей из среды малообразованных маргиналов. Их стало больше из-за ухудшения социально-экономического положения в странах «арабской весны». Проповедники ИГ делают ставку на то, чтобы канализировать социальный протест населения, особенно молодых людей, в ненависть на сектантской почве, толкают молодежь к джихаду во имя «борьбы против безбожных властей». Безбожие (куфр) последних состоит в том, что они отошли от заповедей ислама, «правильного пути», стали носителями «иностранных идеологий».

Для оправдания своих идеологии и практики деятели ИГ постоянно ссылаются на Коран и другие священные для мусульман источники. Они искусно выхватывают цитаты, искажают их, умышленно игнорируя другие суры и хадисы. Такой стиль выборочного использования отдельных фрагментов и представление их в качестве истин в последней инстанции не нов. Он применяется многие века.

Казуистика — один из приемов идеологов ИГ. Например, они часто афишируют 9-ю суру Корана, где говорится «убивайте язычников, где бы они не были». Так они стремятся концептуально обосновать праведность борьбы против «безбожников», еретиков и иноверцев, оправдать массовые казни.

В ответ современные эксперты по шариату утверждают, что это относится к специфическим обстоятельствам и цитируют положение о том, что в вере «не может быть принуждения». Они напоминают о многовековых традициях милосердия, сохранения жизни и защиты невинных и пленных в ходе вооруженных конфликтов и войн, закрепленных канонами шариата.

В арсенале исламистской верхушки и конспирологические объяснения причин своих ошибок или просчетов, возложение вины за все промахи на внешние силы. Их тирады полны указаний на происки организаторов заговоров, которые плетутся в мире, особенно западном.

Однако и здесь исламисты блефуют, ибо в Коране есть сура, вещающая, что верующим в

²⁰ Why Islamic State chose town of Dabiq for propaganda. In: BBC. 17 November 2014. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-30083303>

²¹ David D. Kirkpatrick. Ibidem.

²² Jihadist ideology: The slow backlash — sunni religious authorities turn against Islamic State // The Economist. 6 September 2014.

поисках причин своих неудач нужно прежде всего глубоко разобраться в собственных действиях и поступках.

Порою может создаться впечатление алогичности, иррациональности и безрассудности выходок и риторики ИГ. Особенно это касается призывов к массовым расправам над единоверцами, а также хладнокровным убийствам гражданских лиц, что показали организация взрыва на борту российского гражданского авиалайнера над Синаем, недавние теракты в Париже и в Бамако. Однако всё это — в рамках идеологических догм и построений ИГ. Узловой тезис — избранность ИГ как защитника Машрика (востока арабского мира) от внешних и внутренних врагов. Внешний враг — «Америка, шиизм и арабские правящие режимы». Внутренний — «нетвердый» мусульманин, зараженный вирусом секуляризма, угрожающего самой природе веры. Таким образом, организация следует концепции джихада против двух зол — «врага близкого» и «врага далекого». Близкий — местные коррумпированные правительства и ренегаты, далекий — Запад и Израиль.

Выбор приоритетов на этой войне меняется в зависимости от реальных условий и поставленных задач. «Поход против Израиля, за освобождение Палестины» начнется лишь после того, как будут вытеснены «еретики и лицемеры» (те, кто не входит в ИГ), снесены «идолы — нефтяные семейства, поставленные у власти империализмом»²³. Цель борьбы против близкого врага — устрасить всех несогласных, заставить их подчиниться и признать силу ИГ.

Убийства же гражданских лиц из числа европейцев, которых они именуют «крестоносцами», только способствуют повсеместному росту исламофобии. Это как раз соответствует замыслу ИГ — сделать мусульман, живущих за пределами исламского мира, своего рода заложниками. ИГ заинтересовано в геттоизации мусульманских диаспор. Тогда будет легче поставить их под свой контроль, сделать своеобразным инкубатором, распространять там свою доктрину, готовить кадры.

Очевидна тактика ИГ — придать исламу кровавый имидж, чтобы запугать европейцев, разжечь антимусульманский психоз и «приватизировать» ислам для манипулирования им в своих целях. Из «халифата» непрерывно следуют безапелляционные заявления о грядущей победе ислама над Европой и США, о скором приходе «гегемонии над всей планетой».

В мировоззренческом пространстве сегодня наблюдается острое идейное противоборство между ИГ и подобными ему организациями и их оппонентами.

Практически все официальные религиозные инстанции ближневосточного региона откристились от нового «халифата», его воззрений и практики. Вместе с тем в исламе нет единого и общего духовного центра или общепризнанного авторитета, чьи решения или рекомендации были бы обязательны или хотя бы авторитетны для всех верующих. Мусульманин общается со Всевышним напрямую, без посредников. В исламе отсутствует иерархия священнослужителей, которая следила бы за правильностью понимания и исполнения верующими религиозных предписаний. Поэтому отдельные люди берут на себя право самостоятельно оценивать ситуацию, проблемы современной жизни и общества через призму исламского учения. Они по-своему трактуют их, делают выводы, которые представляют их частное суждение, зачастую противоречащее мнению официальных религиозных авторитетов.

Марокканский исследователь ислама Идрис Канбури считает «пагубным» чрезмерную политизацию ислама, наблюдаемую в последние десятилетия. Она была вызвана тем, что современные национальные государства лишили богословов их традиционной функции, которая вверялась в их руки, — реформирование ислама. Образовавшуюся здесь брешь заполнили разные исламские движения, которые действовали зачастую нелегально. В их риторике тематика исламского государства заняла несоразмерно доминирующее место. Усилиями мыслителей этих исламских организаций, в особенности АБМ, был сотворен целый компендиум сочинений, в которых прославляется исламское государство, религия интерпретируется через призму государства и проклинаются современные режимы. Результаты такой политизации ударили по самому исламу, ослабили его, открыли врата для возвращения конфессиональной и сектантской дискриминации, для возвышения одних общин над другими.

²³ «Коран» ИГ // Аль-Масрий Аль-Яум. 2014. 11 июля. URL: <http://www.almasryalyoum.com/news/details/480754>

Сегодня в СМИ, академических кругах стран ближневосточного региона идет дискуссия о корнях, идейных истоках, угрозах ИГ, путях противостояния ему. Разброс оценок и мнений арабских политологов и аналитиков о продолжительности и перспективах существования «халифата» весьма широк. Часть считает, что это образование обречено на исчезновение, ибо оно действует вопреки логике и региональному мейнстриму. Есть мнение, что нынешняя коалиция «исламского государства» распадется из-за противоречий, существующих между ее разнородными компонентами. Базовая ваххабитская установка на борьбу с «безбожием» расходится с кредо наследников партии Баас с ее светско-национальным уклоном, что провоцирует трещины в альянсе временных партнеров²⁴.

Шейх Набилъ Наим – один из бывших главарей джихадистов, основатель организации «Аль-Джихад» в Египте, предсказывает раскол в рядах ИГ ввиду соперничества в борьбе за «идейную чистоту» рядов. Элементы, выставляющие себя наиболее твердыми в вере, сталкиваются с другими, «мягкотелыми, менее преданными учению», что чревато конфликтом²⁵.

Другие исследователи осторожны в оценке будущего ИГ: процесс конфронтации с ним может затянуться. ИГ действует расчетливо, а не анархистскими методами. Организация уже превзошла талибов по числу иностранных бойцов, прибывших в том числе из Европы и воюющих ныне на ее стороне. ИГ провозгласило себя наследником халифата, на что не решилась пойти даже «Аль-Каида».

Международная коалиция против ИГ лишь добавила ему авторитета в глазах единомышленников из близких исламских групп в разных концах региона, – утверждает основатель Фронта «Васатъя» по противодействию экстремизму в Египте С. Аль-Касми, чья организация создана как идеологический противовес ИГ²⁶. Некоторые эксперты полагают, что на данном этапе жизненная среда для укрепления и распространения воззрений ИГ остается и через некоторое время возможно появление аналогичных новообразований. Практически во всех странах ислама он объявлен государственной религией.

В регионе завязан тугой клубок противоречий интересов, что предопределяет непредсказуемость течения процессов и в некотором роде также способствует существованию ИГ.

Иран стоит на стороне правительств в Багдаде и Дамаске, вступивших в схватку с отрядами ИГ, и оказывает им разнообразную помощь, в том числе военную. В Тегеране считают своим религиозным долгом защищать святыни шиитов, расположенные на территориях Ирака и Сирии, в том числе силовыми методами, от налетов проваххабитских элементов.

Турция, поддерживая ряд фракций сирийской оппозиции, борющихся за свержение президента Б. Асада, содействует военным действиям ИГ против национальной армии Сирии. Оживают старые османские мечтания о возвращении Мосульской области, на которую Анкара претендовала после окончания Первой мировой войны.

Саудовская Аравия поддерживает и спонсирует ряд исламских оппозиционных организаций и отрядов, которые воюют против сирийского правительства, что также на руку ИГ. Королевство клеймит Иран за его участие на стороне Багдада в действиях против ИГ. Эр-Рияд крайне обеспокоен проблемой баланса сил между шиитами и суннитами в Ираке. Саудиты полагают, что от Тегерана исходит угроза для КСА и других арабских стран, где имеются шиитские анклавы. Духовные и идеологические воззрения шиитских меньшинств близки к Ирану, и последний, как считают в Эр-Рияде, подстрекает шиитов к выступлениям против существующих властей.

Расхождения по суннито-шиитской оси чреваты критическим обострением отношений между Саудовской Аравией и Ираном с перспективой полной реконфигурации региона.

Правящая Хашимитская династия Иордании и палестинские круги традиционно ориентируются на суннитскую общину Ирака. При этом Иордания официально вступила в международную антитеррористическую коалицию и ее военно-воздушные силы участвуют в налетах на объекты ИГ в Сирии и Ираке.

²⁴ Государство Мосул и возвращение османско-омейядского альянса // Аль-Муватынньос. 17 июня 2014. URL: www.almowatennews.com/index.php/2013-04-19-21-35-13.html

²⁵ ИГИЛ: басня о государстве и правда об отрядах наемников // Аль-Араб. 10 ноября 2014. URL: www.alarab.co.uk/?id=40037

²⁶ Там же.

Руководство Кувейта опасается слишком большого крена своего иракского соседа в сторону шиитского Ирана, а также проникновения в Кувейт экстремистов из ИГ и воздействия их идеологии на свое население. Создается впечатление, что в настоящее время террористическая угроза в лице ИГ для Кувейта более опасна, чем усиление Ирана. Стремясь к поддержанию баланса сил в регионе, Кувейт рассматривает Иран как сдерживающую силу «баасистско-игиловского» сегмента в Ираке и, судя по всему, предпочел бы не допустить разрушения государственных структур в Сирии.

В целом же — и с этим согласны практически все исследователи — в арабском и — шире — в исламском мире влияние политического ислама не снижается. Лозунг «ислам — вот решение» остается весьма популярным и находит отклик в общественном мнении, в воззрениях политического истеблишмента ближневосточного региона. Его апологеты тшятся представить себя защитниками национальной идентичности, перехватить популярные тезисы у национально-патриотических сил, эксклюзивно диктовать свое видение ислама.

Одновременно в динамике исламизма возможны приливы и отливы. Дифференциация внутри этого течения, как можно полагать, продолжится, будет нарастать тенденция размежевания между умеренными и крайними фракциями. В самом лоне ислама исторически укоренилась разделенность на секты и братства, для обществ стран Персидского залива, Ливии, Судана по-прежнему характерен отпечаток родоплеменных отношений, к тому же существуют вкрапления неарабских общин.

Камнем преткновения остается вопрос о том, в какой мере ислам может быть вовлечен в принятие политических решений, особенно в части проблем развития. Как эффективно отделить религию от мутного потока сил, которые под исламскими знаменами рвутся к власти и деньгам? Некоторые исследователи полагают, что исход идейной конфронтации с ИГ зависит от выдвижения и укоренения течения так называемого срединного, умеренного ислама (Васатья).

Пробивает себе дорогу и направление в общественной мысли, призывающее к консолидации в идеологическом противоборстве с ИГ. Раз ИГ, считают его сторонники, опирается на исламистскую идеологию, то нужно вырвать знамя ислама из рук тех, кто присвоил право действовать от имени всех верующих и провозгласил где-то в пустыне «халифат»²⁷. На архаичное прочтение религии следует ответить ее современным прочтением — говорят приверженцы «здоровой консолидации» в исламе.

Очевиден и запрос на светское мировоззрение, опирающееся на объективные знания и опыт. Однако культурная секулярная элита, как правило, раздроблена на группы, от сторонников арабского единства до левых, и испытывает явный дефицит объединяющих символов. Пока такая элита оказывается неспособной составить конкуренцию другим идейным потокам, в том числе, и в силу господства архаичных социальных отношений, освященных религией. Последние — во многом определяют менталитет широких слоев мусульман, их поведение и политическую культуру.

ГИПЕРАКТИВНОСТЬ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Как отмечает российский исследователь В. Платов в Интернет-журнале «Новое Восточное обозрение», исламисты, выступая за строительство «халифата» на основе средневековых догматов, не отказываются от широкого использования наработанного в мире опыта в сфере агитационно-пропагандистской деятельности. Для привлечения в свои ряды всё но-

²⁷ В раннем средневековье арабы на обширных территориях создали свое государство Арабский халифат. Эта мусульманская империя достигла своих максимальных размеров в VII–VIII веках, простираясь от Пиреней на западе до Индии на востоке. Она внесла существенный вклад в развитие мировой культуры и временами доминировала в тогдашней Европе. Обращение к истории является важным мотивом самосознания и мировоззрения арабов в прошлом и настоящем. История вдохновляет многие современные мусульманские организации, группы и движения, которые широко используют препарированные исторические сюжеты в идеологическом дискурсе и в политике.

вых и новых рекрутов из-за рубежа и пропаганды своей деятельности они применяют самые современные технологии в области информационных коммуникаций. При этом основной упор делается на использовании виртуального анонимного пространства Интернета, позволяющего им оставаться неопознанными. Их распространяющиеся подобно вирусу видео и печатные материалы, нередко с выступлениями захваченных западных заложников, выходят в свет на пяти языках (русский — третий по частоте использования после арабского и английского) и пользуются в Интернете и социальных сетях немалой популярностью.

Во Всемирной сети регулярно появляются подготовленные на хорошем профессиональном уровне видеоматериалы самого разнообразного содержания: презентативные (демонстрирующие мощь и военные успехи ИГ), интервью с боевиками и командирами, «ритуальные» казни заложников, угрожающие обращения к мировым державам, сцены «мирной жизни» в «халифате», интервью с его жителями.

Для продвижения своих материалов специалисты ИГ работают во всех видах СМИ, делая особый акцент на соцсети. Специфика этих средств связи даёт возможность раскинуть чрезвычайно разветвленную сеть без единого центра и довести в сжатые сроки необходимую информацию до целевой аудитории. К середине 2015 г. в Twitter отдельные специалисты насчитали уже около 90 тыс. аккаунтов, владельцы которых разделяли постулаты ИГ, либо интересовались деятельностью этого квазигосударства. При этом лишь около 2 тыс. из них имели тесную связь между собой и являлись членами группировки или её деятельными сторонниками. Каждый из таких аккаунтов имел от 2 до 50 тыс. подписчиков, создавая тем самым целевую аудиторию и распространяя информацию и взгляды радикальных исламистов.

Помимо традиционно «текстовых» соцсетей Twitter и Facebook, экстремисты освоили и Instagram. А сервис Ask выполняет у них функцию онлайн-вербовщика, и любой желающий поучаствовать в джихаде полностью анонимно может поинтересоваться, куда ему следует прибыть и с кем связаться.

Еще в 2013 г. был создан медиа-фонд «Ажнад» (Ajnad Media Foundation), который специализируется на изготовлении и распространении джихадистских проповедей и песнопений (нашидов), а также медиа-агентство «Итисаам» (I'tisaam Media Foundation), которое стало производить и распространять контент на арабском языке. Размещенные в Интернете (в частности, на сайте Jihadology.net) материалы агентства «I'tisaam» представляют собой по большей части пропагандистские фотографии, видеоролики и аудиозаписи на арабском языке, на отдельных из них есть английские субтитры.

В 2014 г. ИГ учредило новый медиа-центр «Аль-Хайят» (Al Hayat Media Center), ориентированный на западную аудиторию и выпускающий материалы на английском, немецком, русском и французском языках. Его медиапродукция нацелена прежде всего на привлечение новых участников в террористическую группировку из западных стран, призывает жителей стран Запада совершать теракты в странах их проживания и публикует необходимые инструкции по их подготовке и осуществлению. «Аль-Хайят» выпускает также печатную продукцию. В частности, информационные бюллетени по 8–10 страниц «Islamic State Report» и «Islamic State News», рассказывающие о наиболее важных политических, военных и социальных акциях ИГ, а также журнал «Dabiq», которые издаются на нескольких языках, включая английский, и доступны для скачивания в Интернете.

ИГ использует и «продвинутые» инструменты распространения информации в Интернете. Так, в его интересах было разработано специальное приложение для Android под названием «The Dawn of Glad Tidings» для массовой генерации и рассылки сообщений в Twitter. Как только сторонники ИГ регистрируются в приложении, оно начинает рассылать от их имени одинаковые сообщения, вставляя между каждым символом пробел, обходя тем самым алгоритмы антиспама в Twitter.

Другим способом работы в Twitter стало продвижение определенных хештегов. Сотни, а иногда и тысячи активистов в определенное время дня многократно размещают твиты с необходимыми хештегами. В частности, этот способ позволяет активистам ИГ исказить результаты @ActiveHashtags (известного аккаунта в арабском Twitter, в котором ежедневно публикуются наиболее популярные теги) и обеспечить себе дополнительную аудиторию. Еще одной возможностью для ИГ стал мессенджер FireChat, позволяющий общаться без подклю-

чения к Интернету: если на смартфоне установлено данное приложение, то даже при отсутствии интернет-соединения сообщение можно отправить через другие смартфоны с таким приложением, которые находятся в радиусе действия и подключены к Всемирной сети.

Помимо этого, в Интернет активно действуют кибертеррористы ИГ. По сведениям компании Group-IB, расследующей преступления в компьютерной сфере, исполнителем хакерских атак ИГ было специальное подразделение Cyber Caliphate. Удалось выявить причастность к преступной деятельности ИГ и других хакерских группировок – FallaGa Team, Team System Dz и Global Islamic Caliphate.

Предпринимаемые рядом государств меры по противодействию использованию соцсетей и медиапространства в интересах ИГ не приносят значимого результата, поскольку высокая степень децентрализации сети сводит на нет эффект закрытия отдельных аккаунтов, а автоматическая система спам-фильтрации малоприспособлена для предотвращения распространения ссылок на удаленном файле или видеохостинге²⁸.

Главный акцент в своих материалах PR-активисты ИГ делают на несправедливостях и противоречиях современного мира, ярко проявляющихся в многочисленных политических и внутрисоциальных конфликтах, создающих благоприятную обстановку для подъема джихадизма. Они также умело используют в своих интересах отсутствие общепринятого в международном праве определения самого понятия терроризма, что серьезно затрудняет создание широкого фронта борьбы с этой опасной угрозой всеобщему миру и безопасности.

В начале января 2015 г. «хакерам джихада» удалось взломать аккаунты в Twitter и YouTube Центрального командования ВС США (Сенткома), отвечающего за операции в ближневосточном регионе. Исламисты вывесили в социальных сетях плакат с надписью «Мы любим ИГ» и угрожающее обращение к военнослужащим США, начинавшееся словами: «Мы следим за всеми вами, за вашими женами и детьми». В подтверждение в марте 2015 г. они опубликовали список ста американских солдат и офицеров, которых собирались казнить. В нем содержались имена, фамилии, личные фотографии и даже адреса некоторых военнослужащих. Новый список с угрозами в адрес уже сотен сотрудников вооруженных сил и госслужащих США появился в Интернете в августе 2015 г.

Такая тревожная информация никак не вязалась с заверениями Б. Обамы о повышении кибербезопасности США. В связи с угрозами боевиков американское военное командование было вынуждено распространить инструкции, ограничивавшие попадание данных личного состава в социальные сети и Интернет. Сам госсекретарь США Дж. Керри признал, что в повседневной жизни он был вынужден учитывать опасность взлома своей почты злоумышленниками.

В начале апреля 2015 г. последовала еще одна психическая атака кибертеррористов ИГ, запустивших в Интернете кампанию с угрозами в адрес США под общим хештегом «Мы снова сожжем Америку». Многие в Вашингтоне усмотрели в нем угрозу повторения терактов 11 сентября 2001 г.

В июне 2015 г. журналисты из «The New York Times» раздобыли и опубликовали секретную служебную записку госдепа США, в которой содержалось откровенное признание неспособности противостоять пропагандистско-информационному натиску ИГ. Через месяц министр юстиции, генеральный прокурор США Л. Линч выразила опасение, что ИГ рано или поздно осуществит массированную кибератаку на США. По ее оценке, эта группировка представляет для безопасности Соединенных Штатов большую угрозу, чем террористическая сеть «Аль-Каиды», из-за активного использования социальных сетей для вербовки американцев.

Заместитель министра иностранных дел России по вопросам противодействия терроризму О. В. Сыромолотов в одном из интервью в июле 2015 г. вскрыл главную причину пропагандистских успехов международного террористического интернационала: «Радикалы, можно сказать, выигрывают информационное противоборство. И причина тут не в том, что они более талантливые и эффективные пропагандисты, а потому, что государства, которым должна принадлежать ведущая роль в рамках любых задач противодействия терроризму, все еще разобщены, все еще допускают пресловутую практику “двойных стандартов”».

²⁸ Платов В. Информационные ресурсы ИГИЛ // Новое Восточное Обозрение. 2015. 8 июня. URL: <http://ru.journal-neo.org/2015/06/08/informatsionny-e-resursy-igil/>

Такие двойственные подходы мешают налаживанию международного сотрудничества по обеспечению кибербезопасности мирового информационного пространства, на них наталкиваются многочисленные инициативы России в этой весьма важной и чувствительной для всеобщего мира и стабильности сфере.

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

На какие деньги ИГ воюет и живет?

«Исламское государство» не нуждается в масштабных финансовых вливаниях из-за рубежа, как «Аль-Каида», «Джабхат ан-Нусра», а также «Свободная сирийская армия», оппозиционная правящему сирийскому режиму, или другие военизированные или политические формирования, вошедшие в поддерживаемую Западом «Национальную коалицию сирийских революционных сил и оппозиции». Хотя таковые, безусловно, присутствуют и поступают главным образом от источников в суннитских государствах Персидского залива. Самопровозглашенный халифат перешел на самофинансирование: он самостоятельно получает миллиарды долларов за счет грабежа банков, захваченного имущества иноверцев, обмена заложников за выкуп, работоторговли, контроля над наркотрафиком и нелегальными каналами поставок нефти. Сейчас «Исламское государство» является самой богатой террористической организацией с бюджетом приблизительно в 2,3 млрд долл.

Руководство «халифата» исходит из того, что финансирование социальных программ для населения может стать не менее эффективным средством обеспечения лояльности и поддержки, чем массовые репрессии. Американский политэксперт Дж. Пери, вероятно, прав, когда говорит, что «денежный ресурс позволяет боевикам (ИГ. — *Ред.*) копировать стратегию ХАМАС, то есть предоставлять населению общественные услуги, а именно — восстановить работу больниц и школ, тем самым укорениться в регионе и пользоваться поддержкой населения»²⁹.

ИГ — это новый тип террористической организации, в деятельности которой ключевую роль играет финансовое обеспечение, причем в достаточно организованной и контролируемой форме — своего рода бюджетного процесса.

Расходная часть бюджета включают суммы, выделяемые на подготовку боевиков, технику, связь, вооружение, боеприпасы, материальное обеспечение военных формирований ИГ, включая денежное содержание боевиков, а также на поддержание инфраструктуры, социальной сферы, заработную плату чиновников созданных на захваченных территориях административных структур, инженерно-технического персонала контролируемых ИГ предприятий. Так, джихадисты, участвующие в боевых действиях, получают от 500 долл. в месяц. Возможность такого заработка привлекает авантюристов и «солдат удачи» даже из далекого зарубежья.

Находящиеся в распоряжении ИГ финансово-экономические ресурсы идут на укрепление военного потенциала «халифата». На вооружении имеется значительное количество артиллерийских и минометных систем, танков. Они используют около 50 американских танков «Абрамс», современное военное снаряжение (приборы ночного видения, тепловизоры), позволяющее вести наступательные действия в ночное время, и многое другое. В ходе боев под Пальмирой против сирийских танков активно применялись американские противотанковые управляемые ракетные комплексы. Широкое распространение получила практика подрыва укрепленных районов сирийской армии с помощью грузовиков (включая бронированные БелАЗы), управляемых смертниками, среди которых немало выходцев из России и других стран СНГ³⁰. Осуществляется серьезная военная координация между «фронтами».

Что касается доходной части бюджета, то здесь стремление руководства ИГ создать видимость финансовой самостоятельности «нового государственного образования» и наличие

²⁹ AFP; Le Parisian. 18.06.2014.

³⁰ «Исламское государство»: сущность и противостояние. Аналитический доклад / Под общей ред. Я. А. Амелиной и А. Г. Арешева. — Владикавказ: Кавказский геополитический клуб, 2015. 226 с. — С. 54.

стандартной для обычного государства системы мобилизации доходов скорее носит форму финансово-бюджетной мимикрии. В первую очередь это относится к сбору так называемых «налогов». В ИГ действует Совет по финансам, осуществляющий надзор за распределением средств халифата и аудит деятельности губернаторов областей.

Система источников пополнения финансов хорошо продумана, отлажена и жестко контролируется репрессивным аппаратом джихадистов. Эти разнообразные по форме доходы можно объединить в четыре группы:

- поступления от захваченных предприятий в добывающей промышленности (в основном в нефтедобыче);
- «налоги», введенные ИГ на подконтрольных ему территориях Сирии и Ирака;
- доходы от захвата финансовых и материальных ценностей и от нелегального бизнеса (наркотики, контрабандный ввоз и вывоз драгоценностей, золота и т.д.); преступный бизнес включает и получение выкупа за похищаемых джихадистами людей;
- зарубежная финансовая помощь, поступающая ИГ от юридических и физических лиц по разным каналам.

Участие ИГ в производственной деятельности ограничено эксплуатацией экспроприированных в Сирии и Ираке месторождений природных ископаемых, включая их добычу, переработку, сбыт сырья и продуктов его переработки на внутренних рынках этих стран или за рубежом. В Сирии ИГ захватило расположенные вблизи Пальмиры рудники фосфатов, в Ираке — так же фосфатные рудники и перерабатывающий завод в Аль-Каиме. В Ираке и Сирии организация контролирует предприятия по производству серы, фосфорной кислоты, соли, а также ряд крупных цементных заводов.

И все же главная цель ИГ в производственной сфере — нефтедобыча и нефтеперерабатывающая промышленность, призванные, по замыслу джихадистов, обеспечить высокий и стабильный уровень доходов своего режима. Основную их часть составляет выручка от продажи нефти с подконтрольных экстремистам месторождений, число которых с момента провозглашения ИГ постоянно увеличивалось.

Нефтяная стратегия ИГ начала разрабатываться еще до наступления в Ираке в 2014 г. В 2013 г., то есть еще в период высоких нефтяных цен, появившиеся в Сирии джихадисты из этой группировки рассматривали нефтяные ресурсы в качестве финансово-экономической основы будущего «халифата». Параллельно с захватом Мосула летом 2014 г. отряды ИГ установили контроль над нефтяными ресурсами в иракской северо-восточной провинции Киркук. Сразу же после этого боевики выставили на месторождения охрану, привлекли специалистов-нефтяников для продолжения добычи и поставок нефти на рынок. До того как иракская армия освободила в апреле 2015 г. этот нефтеносный район, ИГ успело получить от эксплуатации месторождений около 450 млн долл. По данным министерства нефти Ирака, боевики ИГ были вытеснены из провинции Салах ад-Дин и потеряли контроль над почти всеми захваченными ранее иракскими месторождениями. В конце 2015 г. они использовали лишь три нефтяные скважины в провинции Найнава.

Основная часть добываемой структурами ИГ нефти сосредоточена на востоке Сирии, богатом этим ресурсом. Не случайно его боевые формирования были передислоцированы из стратегически важных, но лишенных нефтяных запасов северо-западных районов страны на восток.

«Исламское государство» готово продавать «свою» нефть существенно ниже рынка (в последнее время нижняя граница цены, установленная ИГ, — 25 долл. за баррель, за высококачественную «легкую» нефть — до 60 долл.). В конце 2014 г. объем продаж оценивался в 70 тыс. баррелей ежедневно, что пополняло бюджет ИГ на 2–3 млн долл. в день. Бомбардировки нефтяных объектов авиацией коалиции снизили эти доходы до 1–1,5 млн долл.³¹

³¹ Некоторые влиятельные западные СМИ, однако, фактически ставят под сомнение возможность получения ИГ подобных доходов от торговли нефтью. Так, согласно материалам опроса ряда западных экспертов, проведенного испанской газетой «Эль Паис», годовой доход ИГ от продажи нефти и нефтепродуктов, с учетом падения мировых цен на «черное золото», составляет не более 200 млн долл. США. Общий объем производства нефти на «территории ИГ», по оценке аналитика Chatham House Валери Марсель (Valérie Marcell), не превышает 40 тыс. баррелей в день (а не 100 тыс. баррелей, как сообщают другие источники), и не более одной четверти от этого количества (то есть порядка 10 тыс. баррелей в день) идет на экспорт за пределы Сирии и Ирака. (Источник: URL: <http://internacional.elpais.com/internacional/2015/12/05/>)

Отдельно стоит проблема сбыта нефти и нефтепродуктов. Джихадистам удалось создать разветвленную сбытовую сеть. Она включает поставки потребителям на подконтрольных им территориях (включая вооруженные формирования ИГ), в остальные части Сирии и Ирака, в Турцию.

На территорию Турции поступает основная часть нефтяного «экспорта» ИГ. Для поставок дешевой ворованной нефти в промышленных масштабах, последующей ее легализации и реэкспорта в Западную Европу и США, Турция создала логистические коридоры, обеспечила их охрану. Как заявил президент В. В. Путин на встрече с королем Иордании Абдаллой II Бен Аль-Хусейном 24 ноября 2015 г.: «Мы давно фиксировали тот факт, что на территорию Турции идет большое количество нефти и нефтепродуктов с захваченных ИГИЛ территорий. Отсюда и большая денежная подпитка бандформирований (...счёт там идёт на десятки, сотни миллионов, может быть, на миллиарды долларов)...»³². В этом бизнесе, по некоторым данным, участвуют члены семьи турецкого президента. Чтобы обезопасить потоки нелегальной нефти, Турция 24 ноября 2015 г. пошла на беспрецедентно враждебный России шаг — ее ВВС сбили над территорией Сирии российский бомбардировщик СУ-24, выполнявший задание по пресечению преступного нефтяного «экспорта» ИГ.

В сфере транспортировки и сбыта занято большое количество посредников и контрабандистов. Через них удается не только преодолевать межгосударственные границы, линии фронтов, но даже, по поступающей информации, снабжать правительственные войска и противостоящие джихадистам силы (например, отряды пешмерга в иракском Курдистане пропускали грузовики с топливом, идущие из «халифата» на курдскую территорию). ИГ доверяет сбыт нефти и нефтепродуктов перекупщикам — трейдерам, которые скупают сырую нефть непосредственно на месторождениях, доставляют ее на перерабатывающие установки, снабжают нефтепродуктами население, производителей электроэнергии, боевые части и административные службы ИГ, другие террористические формирования. Без этих трейдеров, которые обычно покупают у ИГ баррель нефти за 25–30 долл., а продают нефтепегонным предприятиям за 60–100, «халифат» не смог бы сориентировать захваченные им месторождения на пополнение своего бюджета.

Высокие цены на нефть (до их резкого падения на мировых рынках) притягивали к ее переработке, транспортировке и контрабанде большое число сирийцев, иракцев, турок, стремящихся получить свою долю прибыли от захваченного ИГ «нефтяного пирога». На снимках из космоса хорошо видны караваны транспортирующих нефть и топливо грузовиков, объемы перевозок которых вполне сопоставимы с пропускной способностью трубопроводов. Помимо обычных автоцистерн, передвижение которых легче контролировать правительственным войскам и таможенным органам, используются разнообразные, подчас изобретаемые на местах, методы контрабанды: сплав емкостей с нефтепродуктами по пограничным рекам, прокладка на границах подземных трубопроводов, доставка лошадьми, мулами, ишаками или просто в канистрах людьми, легально или нелегально пересекающими границу.

У трейдеров есть несколько способов заработать на купленной нефти:

- отправить нефть на ближайший завод, как правило, модульного типа, где ее переработают, после чего уже готовое для использования топливо доставить вновь на «биржу» вблизи месторождения нефти;
- продать нефть посредникам, которые на небольших автомобилях доставляют ее боевикам на севере Сирии или на границе с Ираком;
- попытаться реализовать нефть крупному нефтеперерабатывающему заводу или продать весь объем на внутренних «биржах», крупнейшие из которых находятся на сирийско-иракской границе вблизи города Аль-Каим.

Большинство трейдеров предпочитают использовать первый вариант, поскольку он менее рискован и более прибылен³³.

Претендуя на создание нового государства, джихадисты пытаются копировать структуру, операционную логику, менеджмент, производственно-финансовую отчетность действующей

actualidad/1449332363_449457.html).

³² <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50775>

³³ Financial Times, 15.10.2015.

щих на Ближнем Востоке крупных государственных нефтяных компаний. Были налажены система бухгалтерского учета, поиск и отбор квалифицированных кадров, обеспечена материальная мотивация работников в данной отрасли. Для повышения рентабельности производства тщательно изучается рынок сбыта, учитываются различия в объемах спроса отдельных частей захваченных территорий. Хотя система управления ИГ на местах децентрализована, нефтяная отрасль — наряду с военным управлением и пропагандистской деятельностью — жестко контролируется напрямую высшим руководством «халифата». Месторождения и циркулирующие в отрасли финансовые потоки находятся под пристальным наблюдением «Амнийат» — секретной полиции ИГ.

Следует признать, что нефтяной бизнес ИГ функционирует при участии значительной части местного населения, в том числе криминальных элементов и просто оставшихся без средств к существованию обездоленных.

Несмотря на важность данного источника доходов, в перспективе он не может рассматриваться как стабильный и надежный. Во-первых, ИГ не располагает ресурсами и техническими возможностями для эффективного управления этими активами. Поскольку «халифат» испытывает острый дефицит в сложных технологиях и квалифицированных специалистах в данной области, извлекается лишь часть потенциального объема добычи. Примитивные технологии дают ограниченные объемы нефти и нефтепродукты плохого качества. Во-вторых, мировые цены на нефть упали. В-третьих, авиаудары российской авиации и западной коалиции разрушают производственные мощности и нарушают систему доставки продукции посредникам и конечным потребителям. В результате авиаударов было уничтожено несколько нефтеперерабатывающих заводов, что заставило ИГ перейти на использование модульных нефтеперерабатывающих установок. Они меньше перегонных заводов, устанавливаются вне месторождений, проще в эксплуатации, хотя используют в отдельных случаях современные технологии и оборудование. Вместе с тем, по сообщению западных СМИ, зачастую переработка нефти осуществляется и более примитивным, кустарным способом с использованием маленьких резервуаров, расположенных во внутренних дворах жилых зданий, что крайне усложняет действие авиации, поскольку заложником авиаударов в этом случае может стать гражданское население. Соответственно, резко падает качество конечного продукта, произведенного таким способом.

Осенью 2015 г. российские ВКС в ходе «Операции возмездия» начали наносить удары по нефтяной транспортной сети и топливным резервуарам джихадистов. Главной целью стали каналы сбыта ворованной сирийской нефти в турецком направлении. В результате разрушения преступного бизнеса между Турцией и ИГ перекрывается значительная часть финансовой подпитки террористов с турецкой стороны. Оценивая связанный с Турцией нефтяной скандал, имеет смысл вспомнить, что данный «экспорт» подрывает основу для послевоенного восстановления Сирии — эта страна в отличие от, например, аравийских нефтяных монархий располагает относительно скромными запасами энергоносителей (ее доля в мировых запасах нефти 0,2 %).

Вторым по значимости источником доходов ИГ является разветвленная система многочисленных налогов, сборов, платежей за навязанные «услуги», а также прямого рэкета. По ряду направлений ИГ копирует и использует инструменты бюджетного процесса, осуществляемого в признанных мировым сообществом государственных образованиях. Такие налоговые поступления, конечно, имеют свою специфику и не могут считаться легитимными. О характере этих поступлений и их примерном размере свидетельствует уже сам перечень выплат:

- с хозяйственных субъектов взимается налог в размере 10 % от прибыли, 10 % с капитала и налог на покупки — 2 % от стоимости;
- сборщики налогов могут по своему усмотрению установить не определенный какими-то рамками налог на обширное и качественное жилое помещение или новый автомобиль;
- при пересечении границ необходимо уплатить таможенные пошлины;
- ИГ взимает транспортные сборы за транзит через его территорию всех товаров. Для перемещения одного грузовика в северном Ираке необходимо уплатить «дорожный налог» в размере 200 долл., одной автоцистерны с топливом — 500 долл., а при въезде

- в Ирак через границу с Сирией и Иорданией — «таможенный налог» в 800 долл. Сборщики «дорожного налога» не только выдают водителям квитанции о его уплате, но и снабжают их поддельными квитанциями о прохождении официальной иракской таможни, которая принимается на блок-постах правительственных сил;
- в Ираке при получении государственными служащими, оказавшимися на оккупированных территориях, заработной платы, переводимой или в местные отделения иракских банков, или в отделения в подконтрольных правительству городах, необходимо отчислить ИГ сбор в размере до 50 % заработка. В сумме — это сотни миллионов долларов в год;
 - ИГ принуждает вкладчиков в частных банках выплачивать ему налог в 5 % при снятии со счетов наличных средств;
 - в соответствии с «договором о защите» для несуннитов последние выплачивают подушевой налог на одного взрослого человека — около 720 долл. в год и трехкратную величину указанных выше налогов в случае ведения ими предпринимательской деятельности;
 - еще один финансовый сбор — плата за процедуру так называемого раскаяния (по-арабски тавба). Население захваченных ИГ территорий принуждается покаяться в своем отступничестве и присягнуть на верность «халифату». В первую очередь это касается бывших военнослужащих, полицейских, государственных чиновников, работников сферы образования, а также примкнувших к ИГ членов других оппозиционных формирований. Уплатив довольно большую сумму, эти люди получают «документ о покаянии» — своего рода удостоверение личности граждан «нового государства». За продление этого «документа» полагается уплачивать дополнительные суммы. Данная процедура позволяет бывшим госслужащим избежать преследования и наказания со стороны новоявленных властей, устроиться на работу в администрации ИГ или образовательных учреждениях на захваченных территориях (что немаловажно в условиях колоссальной безработицы), а «халифату» получать регулярные весомые доходы и интегрировать часть населения в свои структуры.

Под этим финансовым прессом (приведенный перечень налогов и сборов далеко не полный) находятся по меньшей мере 4 млн человек, проживающих на оккупированных ИГ территориях. Прочность наброшенной на оккупированные территории сети незаконных сборов обеспечивается не только военной силой джихадистов, но и лояльностью им части местного населения.

Следующий источник — доходы от бизнеса, преступный характер которого ИГ даже не скрывает. Речь идет об экспроприации на территории «халифата» хранящейся в банках денежной наличности, недвижимости, товарных запасов, транспортных средств, о захвате заложников с целью получения выкупа. В частности, в Мосуле в июне 2014 г. боевики ограбили филиал Центрального банка Ирака, присвоив, по разным оценкам, от 900 млн до 2 млрд долл. В сфере финансовых услуг ИГ стало собственником наличных ресурсов в государственных банках, оно конфискует денежные средства покинувших «территорию ИГ» беженцев — несуннитов, а также всех тех вкладчиков частных банков, которые не смогли предоставить устраивающую джихадистов информацию о происхождении своих накоплений и целях их дальнейшего использования.

Покинутые беженцами дома, лишившиеся владельцев магазины сдаются в аренду и ежемесячно приносят ИГ доход в 3 млн долл. в форме рентных платежей.

В аграрном производстве «Исламское государство» установило контроль над зернохранилищами, захватывает у фермеров сельскохозяйственную технику для последующей сдачи ее в аренду прежним владельцам. Краденое зерно используется не только для получения прибыли, контроля над региональным зерновым рынком, но и в качестве инструмента, влияющего на продовольственную безопасность этой части Ближнего Востока. В качестве аналогичного инструмента используются и водные ресурсы. Зерно из Ирака³⁴ поставляется в Сирию и Турцию.

³⁴ В северных и северо-западных районах Ирака сосредоточена основная часть производства пшеницы, в том числе зерна с низким содержанием клейковины, пользующегося повышенным спросом на внутреннем и внешнем рынках.

Прибыльным преступным бизнесом является контрабанда памятников культуры. ИГ получает прибыль от этого двумя способами: продажа трофейных памятников и взимание сборов с контрабандистов, провозящих артефакты через оккупированную территорию. ИГ и другие преступные группировки, действующие в Сирии, могли на настоящий момент заработать десятки миллионов долларов США от продажи памятников культуры, похищенных в Сирии. «Исламское государство» оккупировало свыше 4 500 археологических памятников, некоторые из которых являются объектами мирового наследия ЮНЕСКО. 90 % культурных памятников страны расположено в разрушенных войной регионах, что создает условия для хищений в крупных масштабах³⁵.

Торговля людьми – еще один источник доходов. На «рабовладельческих аукционах» ИГ людей продают и перепродают с целью получения выкупа. По данным Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), прибыль от преступной деятельности составила от 20 до 45 млн долл.³⁶

ИГ извлекает доход и от потока беженцев, направляемых в Европу: террористы собирают с них плату за нелегальную транспортировку в страны ЕС. На конец 2015 г. коммерциализация «канала беженцев» позволила ИГ получить более 300 млн долл.

В 2014–2015 гг. захваченные территории давали ИГ основную часть финансовых ресурсов. Руководители «халифата» рассчитывали за счет их эксплуатации обеспечить финансовую самостоятельность своего эрзац-образования. Однако своеобразным резервом служат и «прямые» денежные транзакции из-за рубежа.

На первом месте здесь – переводы различного рода фондов, включая благотворительные, законспирированные финансовые вливания спецслужб и иных государственных органов Катара, КСА, Турции. Эти деньги идут не только на закупку вооружений. Так, Турция оплачивает лечение и отдых в своих военных госпиталях прибывающих из Сирии боевиков ИГ. На турецкой территории действуют базы для военной подготовки исламистов. В финансировании направляющихся из Турции в Сирию добровольцев ИГ, а также поступающего по этому маршруту снабжения, участвует и Катар.

Второе – традиционные для ислама налоги, пожертвования в форме регулярных добровольных отчислений верующих на благотворительные нужды. Это укладывается в легальную схему: сбор пожертвований, их распределение на нужды бедных, на распространение идей ислама по всему миру. Здесь имеет место ситуация, когда легально собранные в разных странах деньги становятся нелегальными, то есть происходит не «отмывание грязных денег», а «загрязнение чистых». По имеющимся данным, только из России по этому каналу ИГ получило около 400 млн руб.

Третий источник – сбор средств в социальных сетях. Перевод денег облегчен современными банковскими технологиями. «Краудфандинг» как способ привлечения пожертвований от больших групп населения помогает собирать значительные суммы при сохранении анонимности доноров. Существует и традиционная мусульманская система денежных переводов, известная под названием хавала. Например, какой-то человек в США хочет передать средства на джихадистские нужды в другой части света. Он просто звонит по телефону человеку, являющемуся звеном цепочки посредников, передает ему без всяких документов и подтверждений деньги, тот, в свою очередь, передает их следующему посреднику. Так деньги движутся к точке назначения, и проследить это движение практически невозможно. Часть денег поступает вместе с приезжающими в подконтрольные ИГ районы боевиками.

Четвертый внешний источник – доходы от законной финансовой деятельности, предпринимательства. Дополнительным «преимуществом» исламских банков является присущая им практика слияния, смешивания средств разных вкладчиков, в том числе жертвователей, при формировании пулов инвестиций в те или иные проекты.

В долгосрочной перспективе вопрос об экономической жизнеспособности «халифата» не ясен. Сложно представить, за счет чего может произойти хозяйственное возрождение оккупированных территорий. Экономическая программа ИГ туманна. Трудно рассчитывать на то, что ИГ сможет отказаться от перечисленных доходов. Но в пропагандистских целях

³⁵ Финансирование террористической организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ). Отчет ФАТФ. Февраль 2015. С. 22.

³⁶ Там же. С. 24.

под легитимность «нового государства» исламисты, вполне возможно, подведут фундамент в виде особой экономической модели. Можно предположить, что на следующем после периода экспроприации и рэкета этапе они планируют заявить о построении экономики исламского типа.

В теории исламская экономика — социально-ориентированная хозяйственная модель, в которой в соответствии с нормами шариата запрещены эксплуатация работников собственниками капиталов, спекулятивный бизнес, не обусловленное собственным трудом извлечение прибыли, финансирование незаконных по нормам ислама видов деятельности.

Исламская экономика выростала из хозяйственного опыта общины времен Мухаммеда и первых халифов. На практике в условиях глобализирующегося мира хозяйственная автаркия на основе развития экономики, базирующейся исключительно на исламских принципах, скорее всего, будет неэффективной, хотя на уровне отдельных общин исламские хозяйственные принципы и могут применяться. Сегодня географически исламская экономика на государственном уровне — это хозяйства трех стран: Ирана, Пакистана и Судана, сделавших исламизацию всей экономической жизни официальной политикой. Это зачастую имело разочаровывающие результаты, несмотря на впечатляющие частные достижения. На определенном этапе во всех трех странах началось переосмысление полученного опыта³⁷.

Несколько наивной представляется продвигаемая руководителями ИГ идея возвращения к «золотому стандарту» — чеканке металлических, в том числе золотых, монет. Был выпущен в обращение золотой динар (курс — 139 долл. за один динар). Имелись и планы открытия в Мосуле «Исламского банка» под контролем ИГ.

Методы противодействия финансово-экономической активности ИГ

Несмотря на то, что перечисленные источники дают ИГ многомиллионные доходы, его финансовое положение нельзя назвать устойчивым. Объемы поступлений, питающих террористическую деятельность в Сирии и Ираке, прямо пропорциональны размерам подвластных ИГ территорий. Чем меньше подконтрольные районы, тем менее весомы преступные доходы. Поэтому очевидно, что наиболее эффективный способ подорвать финансово-экономическую основу «халифата» — освобождение этих районов и восстановление здесь законной власти.

Вместе с тем еще до решающей победы над ИГ противостоящее ему мировое сообщество может предпринять меры к существенному сужению финансового потока, используемого террористами. Эти меры будут эффективны лишь в результате тесного международного сотрудничества, создания широкой коалиции по борьбе с ИГ.

12 февраля 2015 г. Совет Безопасности ООН принял инициированную Россией резолюцию 2199 по пресечению финансирования террористических организаций за счет нелегальной торговли нефтью и нефтепродуктами с территориями Сирии и Ирака. В документе закреплен запрет на любую торговлю нефтью и нефтепродуктами с ИГ и «Джабхат ан-нурса». Такие действия должны рассматриваться как оказание финансовой поддержки террористам и являться основанием для введения против физических и юридических лиц, вовлеченных в такую преступную активность, адресных санкций по линии СБ ООН. Все государства обязываются привлекать к ответственности тех, кто оказывал содействие террористам. В резолюцию были также включены положения, направленные на купирование других источников доходов террористов, включая контрабанду драгоценных металлов, а также культурных ценностей из Ирака и Сирии, что приобрело ещё большую актуальность и остроту после варварского уничтожения экстремистами коллекции бесценных статуй и скульптур ассирийской эпохи (IX–VII века до н.э.) в музее иракского г. Мосула в конце февраля 2015 г. и разрушения ряда уникальных строений в Пальмире, являющихся достоянием всего человечества.

Для прекращения продажи нефти «Исламским государством» необходимо установить контроль над перекупщиками и перекрыть каналы контрабанды. Борьба с коррупцией поможет уменьшить привлекательность нефтяного бизнеса для местного населения, включая работников таможен, других государственных чиновников. В этой связи имеет смысл

³⁷ Федорченко А. В., Крылов А. В. Феномен «Исламского государства»// Вестник МГИМО-Университета. 2015, № 2. С. 216.

критически оценить и распространить давшую положительные результаты часть опыта Регионального правительства Курдистана по пресечению контрабандных поставок нефти и нефтепродуктов. Чтобы обеспечить принятие дополнительных мер, необходимо организовать обмен разведанными, результатами расследований и доказательствами, подтверждающими транснациональные связи и отношения местных контрабандистов³⁸.

Предстоит кропотливая работа по установлению контроля над финансовыми переводами в направлении «халифата». Здесь не обойтись без составления международной базы данных, содержащей информацию о связанных с террористами донорах и посреднических структурах. Наряду с замораживанием зарубежных счетов прибывающих в Сирию и Ирак террористов, следует свернуть транснациональные операции находящихся на оккупированных территориях банков и других финансовых институтов.

Россия предпринимает в финансовой области конкретные шаги по борьбе с терроризмом. 18 ноября 2015 г. президент В. В. Путин распорядился создать межведомственную комиссию по противодействию финансированию терроризма. В президентском указе рекомендовано органам прокуратуры РФ, ЦБ РФ, органам власти субъектов РФ, органам местного самоуправления и иным государственным органам и организациям направлять имеющиеся в их распоряжении материалы, содержащие сведения о возможной причастности организаций или физического лица к террористической деятельности (в том числе финансировании терроризма), в межведомственную комиссию по противодействию финансированию терроризма.

На мировых рынках артефактов древности целесообразно установить жесткий контроль над получением документов, подтверждающих происхождение антиквариата, а также дополнить международные ограничительные меры на соответствующие поставки замораживанием торговли с Ираком и Сирией в данной области.

В то же время реальная оценка возможностей по ослаблению финансовой и материальной базы ИГ выявляет определенные сложности в деле экономической блокады «халифата». Все говорит в пользу того, что в обозримой перспективе полностью перекрыть источники финансирования террористической деятельности радикальных исламистов вряд ли удастся. Но ограничить их экономическую базу вполне реально, причем за сравнительно короткий период времени. После выполнения этой задачи законным властям освобожденных от террористов стран при поддержке мирового сообщества предстоит разработать, выдвинуть и осуществить альтернативный вариант экономического возрождения.

УГРОЗЫ ДЛЯ РОССИИ

Социально-экономические причины распространения идеологии ИГ

ИГ привлекательно для части молодых мусульман обещаниями социальной справедливости, которую они отчаялись добиться на своей малой родине. Коррупция, клановость, отсутствие социальных лифтов и перспектив толкают молодежь искать выход в исламистской идеологии, в утопических проектах введения шариата для решения всех проблем современного общества. Если до этого молодые экстремисты искали свое место в рядах боевиков «Имарата Кавказ» (ИК), то взлет ИГИЛ в 2013–2014 гг. дал им нового кумира. На территории Сирии и Ирака они увидели реально контролируруемую территорию, на которой объявлено исламское правление с якобы успешно работающими исламскими законами. ИГ важен для них как социально-политический эксперимент, в котором им дается шанс обрести то, чего они не рассчитывали получить в своих странах и регионах, возможность не только попробовать сделать карьеру, но и участвовать в построении «справедливого» общества, основанного, как они считают, на законах Всевышнего. Такая мусульманская молодежь воспринимает ИГ как своего рода «исламский Израиль», тем более, что главари ИГ всячески поощряют

³⁸ Там же. С. 49.

переселение на подконтрольную территорию. «Справедливость» на ней обеспечивается «автоматически», в силу введенных там шариатских порядков.

Говоря о социально-экономических причинах распространения экстремистской идеологии, не следует использовать упрощенные причинно-следственные конструкции. Не обязательно молодой человек, который столкнулся с коррупцией, к примеру в органах власти или в суде, будет более отзывчив на экстремистскую пропаганду. Нельзя сводить сложную картину к достаточно банальному выводу, что экстремистами становятся обездоленные. Связь этих факторов нелинейна, «бедный и обездоленный терроризм» остался в прошлом. Среди присоединившихся к ИГ значительную долю составляют успешные, состоявшиеся люди. Анализ данных об уехавших в Сирию из некоторых дагестанских селений свидетельствует о том, что среди них преобладают выходцы из благополучных слоев общества, а представители семей, исторически находившихся на низких ступенях социальной иерархии, напротив, как правило, не отзываются на вербовочные призывы.

Привлекательность экстремистской идеологии для успешных и состоявшихся молодых людей можно объяснить тем, что они чаще сталкиваются с несоответствием социально-экономической действительности их представлениям о справедливом обществе, их больше угнетают проявления коррупции и прочие негативные стороны жизни.

Проникновение ИГ

Россия (а вместе с ней Грузия и Азербайджан) столкнулась с сетевыми террористическими организациями исламистского толка еще в конце 1990-х — начале 2000-х гг. В 2007 г. на обломках «Чеченской республики Ичкерия» террористы объявили о создании «Имарата Кавказ», который стал подразделением «Аль-Каиды» на Северном Кавказе, получая финансирование по линии этой организации.

Начало гражданской войны в Сирии в 2011 г., однозначно интерпретированной экстремистской пропагандой как «восстание суннитов против деспотической шиитской власти», привело в движение радикальных исламистов по всему миру. Стали раздаваться призывы переселяться в Сирию и присоединиться к идущей там гражданской войне, которая тем самым превратилась из внутренней в международную проблему. Это движение коснулось и российских граждан, в первую очередь из регионов Северного Кавказа.

Число присоединившихся к боевым действиям в Сирии с каждым годом росло, достигнув в 2013 г. такого уровня, что действующий на территории Северного Кавказа «Имарат Кавказ» потерял большую часть своих боевиков.

Доля кавказцев, присоединившихся к ИГ и воюющих на его стороне, непропорционально велика: на конец 2014 г. она составляла 7–10 % комбатантов, по распространенным в соцсетях оценкам самих салафитов. Причем большинство из таких кавказцев составляют выходцы с российского Северного Кавказа; число выехавших из Грузии оценивается примерно в 200 человек (хотя с учетом чеченцев из Панкиси, слабо контролируемого грузинскими властями, оно должно быть больше, но никак не превышает 400 человек), из Азербайджана — 400–1000 человек. С Северного же Кавказа уехало на сегодня, по разным оценкам, 2–7 тыс. человек, и этот поток не останавливается. Одних только чеченцев (по заявлению Магомеда Даудова, 19.02.2015) насчитывается до 3 тыс. человек, многие являются выходцами из чеченских диаспор в странах Европы. Из самой Чечни, по признанию Рамзана Кадырова, уехало около 500 человек, более 200 из них погибли, около 50 вернулись в Россию. Присоединившихся к боевикам в Сирии дагестанцев, по разным оценкам, 2–5 тыс. человек. При этом важно иметь в виду, что это — общая численность уехавших в Сирию молодых людей, вне зависимости от того, к какой конкретно группировке они примкнули. То есть, среди них есть и те, кто присоединился, скажем, к аффилированной с «Аль-Каидой» «Джабхат ан-нусра». Тем не менее, известно, что подавляющее большинство иностранных джихадистов присоединяется именно к ИГ.

В поток уезжающих в Сирию (возраст направляющихся в ИГ в основном колеблется в диапазоне 18–28 лет) вливаются и представители других народов России: башкиры, татары, русские. Их счет идет на сотни. Расширяется география такого исхода: среди боевиков ИГ замечены не только жители обеих столиц, но и представители различных регионов европейской России, а также Сибири.

Присоединившаяся к ИГ российская молодежь набирается боевого опыта, вписывается в выстраиваемую этой организацией мировую террористическую сеть. На Северном Кавказе завершается борьба между сторонниками принадлежащего к сети «Аль-Каиды» «Имарата Кавказ» (ИК) и ИГ, которые не признают друг друга. После уничтожения в апреле 2015 г. руководителя ИК Кебекова позиции противников ИГ серьезно пошатнулись. С конца 2014 г. в ответ на обращения и целенаправленную работу с ними со стороны ИГ шло активное присяжание «халифу» аль-Багдади командиров «Имарата Кавказ». Примерно в это же время в интернете было опубликовано обращение влиятельного в ИГ полевого командира Ислама Атабиева (известного как «Абу Джихад») к «муджахидам Кавказа», в котором он упрекает мусульман Кавказа в «молчании», в то время как муджахиды по всему миру присягают «халифу», и призывает четко определить свою позицию в отношении ИГ. Эта тактика оказалось результативной: в ноябре–декабре 2014 г. ИГ присягнули лидеры боевиков Дагестана, в феврале 2015 г. — ингушские боевики, в июне 2015 г. от имени всех чеченских боевиков присягнул Аслан Бютукаев, а 21 июня 2015 г. опубликована присяга «в полном составе» боевиков «Имарата Кавказ», в которой поименованы практически все «вилаяты» этой террористической организации. Из автономной структуры «Аль-Каиды» она превращается в составную часть ИГ.

Всё это — результат изменения политики ИГ на Северном Кавказе: если прежде ИГ смотрел на ИК как на источник «пушечного мяса», то теперь рассматривает его в качестве своего филиала. Об этом свидетельствует объявление о создании 24 июля 2015 г. «Вилаята Кавказ Исламского государства».

Анализ вербовочной работы ИГ на территории России свидетельствует о том, что это не хаотичная, а стратегически упорядоченная деятельность. Основывается вербовка на призывах к совершению хиджры (переселения) на территорию «халифата». Вербовщики, по-видимому, имеют указания, кого следует вербовать в первую очередь. Большое внимание уделяется, например, IT-специалистам, нефтяникам, врачам — в первую очередь хирургам. Показателен пример успешного молодого хирурга из одного из крупных городов Юга России, который попал под влияние вербовщиков. По словам родственников, он зарабатывал достаточно денег и был успешным специалистом. И тем не менее он выехал в ИГ, вывезя обманом супругу и ребенка. Супруге удалось вырваться и вернуться, но ребенок остается с отцом, который не поддается на уговоры родственников и не соглашается отпустить ребенка из контролируемых ИГ территорий.

Сама сеть вербовщиков на территории России становится все более разветвленной. Существует представление об исключительной роли Интернета в вербовке. Действительно, ролики, обращения, размещенные в Интернете, играют важную роль. Пропагандисты ИГ уделяют особое внимание русскому языку и его качеству: подготовленные ролики оперативно переводятся на русский, который по количеству материалов идет вслед за английским и арабским языками. В 2015 г. был выпущен первый номер русскоязычного журнала «Исток» (название намеренно подобрано созвучным названием англоязычного журнала «Dabiq», выпускаемого ИГ). Материалы распространяются пропагандистами через социальные сети, в основном Twitter, через каналы Telegram, другие сетевые мессенджеры. Количество просмотров на Северном Кавказе размещенных ИГ материалов впечатляюще велико (летом 2014 г. эти просмотры достигали десятков тысяч в день). Часто молодежь использует для этого мобильный Интернет, применяя так называемые одноразовые sim-карты.

Кандидаты на обработку нередко отбираются в социальных сетях, через общение в чатах и анализ постов молодых людей. И все же именно реальные вербовщики, общаясь с молодыми людьми «вживую», часто довершают агитацию из Интернета. Они снабжают созревших молодых людей инструкциями проезда на территорию ИГ, перехода через границу, с кем необходимо связываться. Для вербовки также используются родственные, дружеские и служебные связи. При этом вербовщик легко может переквалифицироваться в террориста, тем более, что он и так ведет подрывную работу против государства.

В той или иной мере описанные проблемы непосредственно касаются и двух кавказских государств — Грузии и Азербайджана. Грузия изначально столкнулась с участием своих граждан из Панкисского ущелья, населенного компактно кистинами, в конфликте на Ближнем Востоке. Высокую тамошнюю популярность джихада в Сирии нередко объясняют тем, что

в ИГ высокое положение в военной иерархии занимает выходец из Панкиси Тархан Батирашвили, известный как «Абу Умар аш-Шишани». Широкое внимание общественности к проблеме было привлечено после того, как в апреле 2015 г. в Сирию уехали школьники, одному из которых, Муслиму Куштанашили, было всего 16 лет. Вскоре после этого парламент Грузии принял закон, согласно которому была введена уголовная ответственность за участие в незаконных вооруженных формированиях за пределами страны, но проблема остается: в ряды террористов ИГ вливаются не только чеченцы из Панкиси, но и этнические грузины из числа аджарцев (этнографическая группа грузинского народа). Несомненно, есть десятки симпатизирующих ИГ молодых людей, есть и вербовщики. Насколько быстро можно из этого сделать террористическую сеть – вопрос риторический.

Проблема ИГ серьезно коснулась и Азербайджана. И если в начале 1990-х гг. в приверженности экстремизму чаще замечались представители этнических меньшинств Северного Азербайджана, то теперь в числе присоединяющихся к джихаду в Сирии преобладают азербайджанцы. Азербайджанские джихадисты в ИГ оказались весьма активными в соцсетях, особенно в Twitter и Facebook. Приток молодежи из Азербайджана столь значителен, что был даже создан отдельный азербайджанский батальон, которым руководил до своего уничтожения в мае 2014 г. Муса аль-Азери.

Популярность пропаганды ИГ среди азербайджанской молодежи растет, и не ясно, сколько человек симпатизирует этой террористической организации. Еще со времен двух войн в Чеченской республике Азербайджан является одной из транзитных стран для доставки финансирования боевикам на Северном Кавказе.

Методы противодействия

Силовые методы противодействия террористической угрозе сегодня широко используются и в России, и в других странах, которых коснулась проблема ИГ. В частности, спецслужбы наладили успешную работу на Северном Кавказе, благодаря которой удалось обескровить террористические сети «Имарата Кавказ». Но и в этом направлении есть что совершенствовать. В частности, одним из наиболее перспективных направлений работы является противодействие деятельности сети вербовщиков, как в виртуальном мире, так и в реальном. Деятельность реальных вербовщиков вдвойне опасна – мало того, что они склоняют российских граждан присоединиться к террористической организации, они еще и создают своей деятельностью базу для налаживания террористических сетей непосредственно на территории России. Это же касается и кавказских соседей России.

Относительно сетей вербовщиков есть понимание важности противодействия им. Тем не менее, весьма симптоматичны слова полпреда президента России в СКФО Сергея Меликова, отметившего в ноябре 2015 г. на заседании Общественного совета СКФО, что «сегодня даже правоохранительные органы не до конца понимают, каким образом на неокрепшие умы воздействуют вербовщики»³⁹. Работа против вербовочных сетей ИГ выдвигается, таким образом, на передний план борьбы с террористической угрозой в России.

Наряду с силовыми методами противодействия целесообразно напомнить о важности реформ, которые назрели и даже кое-где «перезрели». Исследования последних лет показывают, что население северокавказских республик мало доверяет местным властям, полностью полагаясь на Москву во всем том, что касается обустройства их жизни. Проводимые федеральной властью точечные удары по коррумпированным чиновникам находят положительный отклик среди граждан, однако этих мер, по-видимому, недостаточно. Следует внимательно проанализировать практику трудноконтролируемых бюджетных «вливаний», которые лишь разогревают аппетиты тех, кто имеет к ним доступ. Борьба с коррупцией не должна ограничиваться привлечением к ответственности наиболее одиозных фигур. В тех регионах, где есть реальное производство, но значительная его часть находится в теневом секторе, необходимо искать варианты вывода такого производства в «легальное поле» и в целом вести дело к устранению, по большей части неформальных препон ведению бизнеса.

Проведение назревших реформ, в частности на Северном Кавказе, на данном этапе невозможно без участия – в отдельных случаях – прямого федерального центра. Это тот ресурс,

³⁹ Антон Чаблин. Кавказу аukaются Сирия и Донбасс // Свободная пресса-Юг. 2015. 23 ноября. URL: <http://yug.svpressa.ru/society/article/128681/>

без использования которого, фигурально выражаясь, воз еще долго не сдвинется с места.

В крупных городах России и в регионах необходимо уделять больше внимания проблемам внутренних мигрантов, направлять усилия на преодоление их отчужденности в повседневной практике от жизни коренного населения.

Серьезная проблема, которую уже сегодня вынуждены решать в различных регионах страны, — возвращение на родину прежде присоединившихся к ИГ российских граждан. Очевидно, что значительная часть молодых мусульман, которые решили вернуться в Россию, — действительно разочаровавшиеся в ИГ и в тех «ценностях», которые оно проповедует, люди, искренне сожалеющие о своем ошибочном выборе. Однако среди них могут быть и те, кто возвращается с совершенно определенными целями: налаживать сеть сторонников ИГ, да и просто создавать «спящие ячейки», которые сработают в нужный момент.

С прицелом на решение новых задач необходимо внимательно проанализировать опыт официально действовавших на Северном Кавказе при государственных структурах адаптационных комиссий, которые занимались возвращением молодых людей из «леса» и адаптацией их к мирной жизни. Возможно, такого рода комиссию по адаптации следовало бы создать на федеральном уровне, поскольку вербовка в ИГ охватила территорию всей страны.

Целесообразно изучить и методы борьбы против вербовочных сетей, применяемые в ряде европейских стран. Так, в Австрии с 2011 г., действует ориентированная на иммигрантов-мусульман программа «Вместе: Австрия», которая комбинирует пропаганду в сети Интернет и элементы школьной программы⁴⁰. В ряде стран в школах реализуются комплексные программы по борьбе с экстремизмом. Например, во Франции была принята специальная программа Министерства образования и науки «Большая мобилизация образования в поддержку ценностей Республики» (*Grande mobilisation de l'École pour les valeurs de la République*), опубликованная 9 февраля 2015 г.⁴¹ Программа предусматривает, в том числе, подготовку 300 000 учителей-методистов в данной сфере; развитие системы специализированных школьных СМИ и их взаимодействие с национальными СМИ и Интернет-порталами; введение в учебных заведениях «Дня светского государства 9 декабря» (дата принятия Закона об отделении церкви от государства); проведение памятных мероприятий, носящих патриотический характер; введение «Дня национальной обороны и гражданственности» (*La journée défense et citoyenneté*); введение «Недели борьбы с расизмом и антисемитизмом как формами радикального поведения»; развитие исследований в сфере изучения радикализации; распространение методических пособий с указанием возможных признаков вовлеченности учащихся в радикальные религиозные организации⁴². Сходные, более скромные, меры предпринимаются в немецких и австрийских школах.

Также осуществляются специальные программы взаимодействия школы и полиции. Например, еще с 1997 г. в Норвегии сотрудники полиции и родители, дети которых были вовлечены в радикальные группировки, инициировали программу «Выход»⁴³. Ее целями были: поддержка молодых людей, желающих покинуть радикальные группировки, проповедующие насилие; поддержка родителей, чьи дети оказались вовлеченными в подобные группировки; разработка и распространение информации и методов работы для учителей и соцработников. Принципы программы «Выход» в последующем распространились на повседневную работу полиции и служб, занимающихся проблемами радикализации молодежи и вербовки террористов.

Ведется и определенная работа по созданию специального программного обеспечения. В Великобритании, согласно новому антитеррористическому законодательству, вступивше-

⁴⁰ URL: <http://www.zusammen-oesterreich.at/index.php?id=5>; http://diepresse.com/home/politik/innenpolitik/4649258/Integration_stolzdraufKampagne-kostete-326000-Euro

⁴¹ *Ministre de l'Éducation nationale, de l'Enseignement supérieur et de la Recherche. Grande mobilisation de l'École pour les valeurs de la République : lancement des Assises. 09.02.2015.* URL : <http://www.education.gouv.fr/cid86129/grande-mobilisation-ecole-pour-les-valeurs-republique-lancement-des-assises.html>

⁴² *Ministre de l'Éducation nationale, de l'Enseignement supérieur et de la Recherche. Prévenir la radicalisation des jeunes. 02.02.2015.* URL : http://cache.media.education.gouv.fr/file/02_-_fevrier/76/8/Prevenir-la-radicalisation-des-jeunes_390768.pdf

⁴³ *Tuva Julie Engebretsen Smith, Islamic Radicalization in Norway: Preventative Actions (International Institute for Counter-Terrorism), Spring 2015.* URL: <http://www.ict.org.il/Article/1339/Islamic-Radicalization-in-Norway>

му в силу 1 июля 2015 г., школы должны использовать специальное программное обеспечение, которое будет осуществлять мониторинг Интернет-активности школьников, включая переписку в соцсетях на предмет выявления в ней специальных терминов, которые употребляют вербовщики террористов⁴⁴.

ПЕРЕНОС АКТИВНОСТИ «ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА» В АФГАНИСТАН И ЦЕНТРАЛЬНУЮ АЗИЮ

Очевидна и угроза «просачивания» террористов ИГ в Центральную Азию. В связи с этим одной из ключевых проблем является миграция боевиков и их последующее возвращение из Сирии и Ирака. Согласно докладу Международного центра исследований проблем радикализма и политического насилия (ICSR), оценивающему участие граждан иностранных государств в конфликтах в Сирии и Ираке⁴⁵, на конец 2014 г. из Казахстана выехало 250 боевиков, из Киргизии – 100, Таджикистана – 190, Туркмении – 360, Узбекистана – 500. В более позднем докладе, подготовленном американским Brookings Institution⁴⁶ и относящимся к августу 2015 г., в числе 20 стран, которые послужили основными «поставщиками» живой силы для ИГ, названы Узбекистан (500 человек), Туркмения (360) и Киргизия (350).

Если эти данные адекватны, наблюдается рост числа боевиков, выезжающих из Киргизии. Впрочем, не исключено, что изменение данных связано с более точным подсчетом. Относительная же численность выехавших не только в Центральной Азии, но и на постсоветском пространстве в целом, окажется наибольшей у Туркмении, за ней следует Киргизия. Тревогу вызывает склонность туркменских властей отрицать наличие террористической проблемы в стране, в том числе на туркменско-афганской границе (есть соответствующая нота туркменского МИД, адресованная Казахстану). Такая официальная позиция может затруднять усилия международного сообщества по борьбе с террористической угрозой в регионе.

Следует отметить и определенную неточность оценок государствами региона проблем, связанных с выезжающими боевиками. Так, 16 октября 2015 г. президент России В. В. Путин на заседании Совета глав государств – участников СНГ заявил: «По разным оценкам, на стороне ИГИЛ уже воюют от пяти до семи тысяч выходцев из России и других стран СНГ»⁴⁷. Эта наиболее поздняя по времени оценка заставляет пересмотреть в сторону существенного повышения и данные, имеющиеся по другим постсоветским странам. Она, в частности, означает, что кроме 2 400 боевиков из России (сентябрь 2015 г.)⁴⁸ на стороне ИГ в Сирии и Ираке воюют еще порядка 2 600–4 500 боевиков из других постсоветских стран, преимущественно центральноазиатских (по авторитетным экспертным оценкам, именно они, наряду с выходцами с российского Северного Кавказа, составляют основную массу боевиков из постсоветского пространства). А это заставляет пересмотреть в сторону повышения и данные по отдельным странам Центральной Азии.

Кроме количественных оценок следует обратить внимание на имеющуюся информацию о качественном составе боевиков – выходцев из Центральной Азии, воюющих в ИГ. В их числе бывшие опытные офицеры (как, например, полковник таджикского ОМОН Гулму-

⁴⁴ Schools monitoring pupils' web use with 'anti-radicalisation software' // The Guardian 10.06.2015. URL: <http://www.theguardian.com/uk-news/2015/jun/10/schools-trial-anti-radicalisation-software-pupils-internet>

⁴⁵ URL: <http://icsr.info/2015/01/foreign-fighter-total-syria-iraq-now-exceeds-20000-surpasses-afghanistan-conflict-1980s/> (дата публикации: 26.01.2015).

⁴⁶ Lister Ch. Returning Foreign Fighters: Criminalization or Integration? // Brookings Institution, 13.08.2015. URL: <http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2015/08/13-foreign-fighters-lister/en-fighters-web.pdf>

⁴⁷ Заседание Совета глав государств СНГ. Владимир Путин принял участие в заседании Совета глав государств – участников Содружества Независимых Государств, 16 октября 2015 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50515>

⁴⁸ ТАСС, 18.09.2015. URL: <http://tass.ru/politika/2272750>

род Халимов) и студенты духовных учебных заведений. Помимо них, в ИГ есть женщины и дети (в Интернете, например, был ролик о казахском детском садике в ИГ). Особую тревогу представляет то обстоятельство, что среди боевиков – выходцев из Центральной Азии много трудовых иммигрантов, завербованных и переправленных в Сирию и Ирак уже из России.

Другая важнейшая проблема заключается в том, что соседний Афганистан, фактически является «несостоявшимся государством», правительство которого не контролирует свою территорию. Афганистан давно стал базой для международных террористов. В настоящее время на севере Афганистана, непосредственно граничащим с Центральной Азией, идет активный процесс проникновения новых террористических групп. Последние были частично вытеснены, частично ушли по договоренности с пакистанской Межведомственной разведкой (ISI) с севера Пакистана в Афганистан, в том числе на север этой страны.

Как отмечается в документах Совета Безопасности ООН, «в Афганистане, по оценкам афганских сил безопасности, в марте 2015 г. насчитывалось около 6 500 активно действующих иностранных боевиков – террористов. Большинство из них связаны с “Терик-и-Талибан Пакистан”, 300 человек – с “Терик-и-Нифаз-и-Шариат-и-Мухаммади”, 200 человек – “Исламским движением Узбекистана”, 160 – с “Лашкар-и-Тайба” и 150 – “Исламским движением Восточного Туркестана”»⁴⁹. Учитывая, что все эти организации связаны либо с «Аль-Каидой», либо с ИГ, вряд ли уместно считать их чисто пакистанскими. Более того, во многих из них воюют боевики из постсоветских стран, то есть они международные по составу. Существует опасность, что международное сообщество слишком сконцентрируется на ситуации в Сирии, Ираке и Ливии и забудет об Афганистане, где угроза также значительна. При этом на Афганистан сейчас приходится примерно 6 500 террористов, связанных с «Аль-Каидой» и ИГ, фактически каждый пятый. Если же учесть и самих афганцев, то общее количество боевиков в Афганистане достигает 50 тыс., объединенных более чем в 4 тыс. отрядов и групп различной направленности⁵⁰.

Особенно острой в этом контексте является проблема проникновения в Афганистан боевиков ИГ и дальнейшего их распространения в Центральной Азии. Афганистан, как и ЦА, отнесены в ИГ к новому территориальному подразделению – «вилаят Хорасан». В настоящее время боевиков ИГ больше всего на севере и востоке Афганистана. При этом ИГ активно использует свои значительные финансовые ресурсы – боевикам ИГ платят существенно больше, чем боевикам «Талибана» (по информации «Аль-Джазиры», разница в оплате достигается в 10 раз – 700 и 70 долларов, соответственно⁵¹). ИГ также воспользовался благоприятной для него ситуацией, сложившейся в связи с расколом «Талибана» после смерти муллы Омара.

Всего сейчас в Афганистане, по оценке начальника Генерального штаба ВС РФ Валерия Герасимова, находится от 2 до 3 тыс. боевиков, непосредственно связанных с ИГ, и их численность постоянно растет⁵². По мнению начальника ГРУ ГШ Игоря Сергуна, боевики «Исламского государства» рассматривают территорию Афганистана как базу для распространения влияния на страны Центральной Азии. С этой целью, как неоднократно заявляли представители МИД и министерства обороны России, в северном Афганистане создана сеть террористических лагерей, связанных с ИГ и «Аль-Каидой», в которых находятся, в том числе, много боевиков из постсоветских стран. При этом весьма опасной является тенденция к взаимодействию структур ИГ и «Аль-Каиды» с «Талибаном». По ряду экспертных оценок, такая тенденция проявилась на севере Афганистана при взятии Кундуза (хотя в других районах Афганистана между ИГ и «Талибаном» идет борьба).

⁴⁹ Письмо Председателя Комитета Совета Безопасности, учрежденного резолюциями 1267 (1999) и 1989 (2011) по организации «Аль-Каида» и связанным с ней лицам и организациям, от 19 Мая 2015 года на имя Председателя Совета Безопасности. S/2015/358. С. 9. URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2015/358&referer=/english/&Lang=R

⁵⁰ Боевики «Исламского государства» нацелены на Центральную Азию и Россию. Об этом предупреждают российские военные и спецслужбы // Коммерсант. 2015. 8 октября. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2827486>

⁵¹ URL: <http://www.aljazeera.com/programmes/specialseries/2015/11/islamic-state-isil-taliban-afghanistan-151101074041755.html>

⁵² Боевики «Исламского государства» нацелены на Центральную Азию и Россию. Об этом предупреждают российские военные и спецслужбы // Коммерсант. 2015. 8 октября. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2827486>

В целом же рост угрозы возврата боевиков с Ближнего Востока и активизация угроз со стороны Афганистана совпали с усилением активности экстремистских структур, в частности ИГ, и в самой Центральной Азии. Так, в сообщениях киргизских и таджикских экспертов фигурируют 70 млн долл., выделенных ИГ на подрывную работу в этом регионе⁵³.

По мнению большинства экспертов, угрозу распространения влияния ИГ в Центральной Азии и Афганистане следует рассматривать как вполне реальную, особенно с учетом растущих внутренних проблем в этой части мира.

ЧТО ВПЕРЕДИ? (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Итак, что же ждет «Исламское государство» в обозримой перспективе? Сможет ли оно утвердиться в качестве альтернативной модели государственности? На эту тему существует немало прогнозов, часто противоречащих друг другу. Во многих случаях их объединяет скептицизм относительно возможности появления на карте мира еще одного государственного образования, прототипом которого стало бы «Исламское государство». Его легитимность, суверенитет, территориальная целостность и многие другие атрибуты государственности — в современном понимании — представляются недостижимыми. В то же время даже при благоприятном для противостоящих ИГ сил стечении обстоятельств существует вероятность сохранения живучести данной модели террористической деятельности, претендующей на постепенное формирование государственности нового (с сильной примесью старого средневекового) типа.

При этом создается впечатление, что государственное строительство не является главной целью руководителей ИГ. В отличие от лидеров многих других ответвлений исламизма, ИГ не выстраивает стратегию своей поэтапной легитимизации и превращения в субъект международного права. Надежды некоторых экспертов на то, что «халифат» окружит себя какими-то границами, превратится в некую переходную к полноценному государству форму и с ним можно будет договариваться, тщетны и даже наивны.

К концу 2015 г. вследствие значительной активизации многостороннего противодействия «Исламскому государству», в котором «на земле» участвуют сирийская и иракская армии, курдские отряды самообороны, опирающиеся на поддержку с воздуха ВКС России и возглавляемой США антитеррористической коалиции, территория, контролируемая «Исламским государством», сократилась в Ираке на 40 % и на 20 % — в Сирии⁵⁴. В результате ИГ вынуждено было перейти от наступательной тактики к оборонительной. Эксперт по вопросам безопасности Ирака Хишам Аль-Хашми считает, что ИГ утратило возможность перевозить большими караванами технику, оружие и прочие материалы из-за массированных бомбежек с воздуха, уничтожения складов, разрушения главных и альтернативных путей снабжения, которыми организация ранее пользовалась. Кроме того, в последнее время ИГ лишилось большого числа смертников, которых оно бросало на проведение своих операций⁵⁵. С иракским исследователем соглашается Карим Бейтар из Института международных и стратегических отношений в Париже. По его оценке, ныне ИГ тратит больше усилий на удержание имеющихся территорий, нежели на ведение наступательных действий. Вместе с тем оба исследователя сходятся в том, что верхушка «халифата» все еще способна привлекать и моби-

⁵³ В Таджикистане заявили, что ИГ выделило 70 млн долл. США на создание своих ячеек в Афганистане // Росбалт. 2015. 6 октября. URL: <http://www.rosbalt.ru/exussr/2015/10/06/1448092.html>; Александр Князев. ИГИЛ выделяет на Центральную Азию 70 млн долл. Какова доля Казахстана? URL: <http://www.youtube.com/watch?v=uxZSifWe8Do>. В последнем видеосюжете известный специалист по Центральной Азии и Афганистану А. Князев утверждает, что основная часть этих денег пришла из Катара, а для сравнения, по его оценке, весь бюджет иностранных вливаний в «революцию тюльпанов» в Киргизии мог составлять приблизительно 5 млн долл. США.

⁵⁴ URL: <https://news.mail.ru/politics/24459757/?frommail=1>

⁵⁵ URL: <http://www.middle-east-online.com/?id=213928>

лизовывать большое число иностранных джихадистов, наносить удары повсюду и поддерживать управляемость своего образования.

Конечная цель ИГ туманна, но это не уменьшает его одержимость в стремлении к экспансии. Девиз джихадистов — *бакья ва тамаддада* (дословно — «остаться и расширяться»). Их можно сравнить с акулами, для которых постоянное движение, перемещение жизненно важны в обеспечении организма кислородом. Поэтому вытеснение организации с одних территорий будет смещать ее активность в другие части мира, где есть достаточное число приверженцев идеи «халифата». Так уже происходит. Появились сообщения, что лидер ИГ аль-Багдади ныне скрывается на территории Ливии. Стремление к внетерриториальности демонстрирует слабость ИГ как претендента на альтернативную государственность и одновременно его силу как террористической организации.

Питательную среду для выживания «Исламского государства» создает сохранение на Ближнем Востоке клубка противоречий и множества политических, этно-конфессиональных, социально-экономических проблем, которые способствовали расцвету исламизма в начале XXI века. На фоне исламизации региона происходит углубление расколов по конфессиональной, расовой, этнической, племенной и иным линиям, как на национальном, так и на субрегиональном и региональном уровнях.

Наращение протестных настроений и радикализация политических движений тесно связаны со своего рода формационным отставанием данной группы стран от большого числа развитых и развивающихся государств, которые смогли в последние десятилетия весьма эффективно использовать возможности нового этапа научно-технологического развития и глобализации и в конечном итоге существенно повысить уровень жизни граждан или подданных. Элиты большинства арабских стран, опасаясь утратить в ходе политических и экономических реформ свои позиции, упустили многие из этих возможностей. Здесь на протяжении десятилетий «происходили сложные социально-экономические процессы, которые развивались где-то в глубине, а на “поверхности моря” в это время царил относительный штиль...»⁵⁶.

В регионе набирает силу своеобразный «Веймарский синдром» — ощущение проигрыша цивилизациям, которые успешно приспосабливаются к конкуренции в новом глобальном мире, ощущение несправедливости внешнего мира, особенно Запада. Исламизация рассматривается многими в Ближневосточном регионе как своего рода новая модель, третий путь, исламский вариант демократизации и возрождения. Используя слабость государственной власти и остроту межэтнических, межплеменных конфликтов, ее носители надеются умножить число своих сторонников и усилить влияние. Но сил недостаточно, поэтому они и стремятся разрушить систему государственного управления и в условиях хаоса и вакуума власти встать у руля управления некоего нового, как они считают, гибридного образования.

Борьба с радикальным исламизмом в целом и с ИГ в частности приведет к желаемым результатам, если, во-первых, контролируемые ими территории будут постоянно сужаться, во-вторых, произойдет консолидация противостоящих им сил, в том числе в лагере так называемых умеренных исламистов, в-третьих, будет осуществлен ощутимый сдвиг в улучшении условий жизни в тех странах, где радикалы мобилизуют основную часть своих людских и иных ресурсов.

Важнейшим направлением противодействия радикальному исламизму становится идеология. Это акцентировал в своем интервью телеканалу «Звезда» (30 декабря 2015 г.) министр иностранных дел России С. В. Лавров. «Надо всерьез заняться образованием, чтобы дети в бедных странах не бегали по улицам, где их подбирают вербовщики ИГИЛ, “Джабхат ан-Нусры” и прочих террористических организаций. Необходимо обратить внимание на то, какой ислам проповедуется в мечетях. В исламе, в отличие от христианства (православия и католицизма), нет папы или патриарха, там нет вертикали, где задается тон, главные постулаты и та мера, которой необходимо следовать. Очень часто в одной стране в разных мечетях читают совершенно разные проповеди. Есть немало примеров, когда вперед вырываются экстремистские имамы. Есть такой современный исламский богослов из Египта Ю. Кардави, который регулярно через канал «Аль-Джазира» адресует мусульманам своей страны, всего региона и всего мира свои абсолютно отвратительные экстремистские призывы. Поэтому

⁵⁶ Орлов А. А. Первые революции XXI века... // Международная жизнь. 2011. № 5. С. 46.

этот клубок нужно распутывать очень тщательно и не пытаться делать ставку на то, что мы кого-то разбомбим, найдем очередного У. бен Ладена, и все будет хорошо»⁵⁷.

Среди перспективных невоенных методов борьбы с ИГ – установление эффективного контроля над нелегальными поставками нефти через Турцию и Курдистан, изоляция джихадистов от международной финансовой системы, прежде всего путем блокирования работы банков, расположенных на территориях, захваченных террористами в Ираке и Сирии.

Непреодолимое значение для успешного противодействия «Исламскому государству», другим экстремистским, террористическим организациям, равно как в целом радикальному исламу, имеет консолидация противостоящих им сил. Как отметил С. В. Лавров в Риме на конференции «Средиземноморские диалоги» (11 декабря 2015 г.), «следует осознать, что мы столкнулись с опасным и беспощадным врагом, победить которого можно только с помощью коллективных скоординированных усилий при участии всех заинтересованных игроков – как на Ближнем Востоке, так и за его пределами»⁵⁸. Важнейшим шагом на этом пути стало единогласное принятие Советом Безопасности ООН 17 декабря 2015 года совместно подготовленной Россией и США резолюции 2253 по борьбе с ИГИЛ⁵⁹ и другими террористическими организациями и укреплению мер по пресечению финансирования террористов. Соавторами российско-американского проекта стали 68 государств – членов ООН.

В документе предусмотрен комплекс мер по укреплению режима выявления и пресечения каналов незаконной подпитки ИГИЛ и связанных с ним группировок, совершенствованию работы соответствующих мониторинговых и санкционных механизмов ООН. Резолюция, принятая по главе VII Устава ООН, во многом продолжает инициированную Россией работу в Совете Безопасности ООН по пресечению нелегальной торговли, прежде всего нефтью, с ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусрой» и другими террористическими группировками, акцентирует задачи выполнения профильной резолюции 2199. В новом документе содержится призыв к полной координации государствами своих действий по расследованию преступлений, связанных с финансированием ИГИЛ, «Аль-Каиды» и ассоциированных с ними организаций. В резолюции подчеркивается самостоятельность ИГИЛ по отношению к «Аль-Каиде», ее деятельность рассматривается в качестве наиболее острой террористической угрозы. В этой связи принято решение переименовать и скорректировать полномочия профильного санкционного комитета Совета Безопасности, который отныне будет называться Комитетом СБ по санкциям в отношении ИГИЛ и «Аль-Каиды»⁶⁰.

* * *

Ближний Восток в целом не принимает однополярный мир. Навязывание тех или иных вариантов демократизации зачастую ведет к разрушительным последствиям. Стала еще более очевидна нежизнеспособность американской схемы нового мирового порядка, в том числе на Ближнем Востоке. Если абстрагироваться от деталей, она состоит из трех звеньев: сначала обеспечить смену режима, по тем или иным причинам не устраивающего Запад; затем «построить новую нацию» на данной территории – «нацию», лояльную США и их союзникам на Западе и на Востоке; на заключительном этапе начать здесь экономические и социальные преобразования. Для любого, кто хотя бы в общих чертах знаком с историей и современностью Ближневосточного региона, очевидна контрпродуктивность, иллюзорность такого подхода. Обострение внутривосточных и международных конфликтов на Ближнем Востоке это подтверждает.

Военные операции против ИГ решат лишь часть проблем. «Освобождение захваченных джихадистами районов Сирии и восстановление там законной власти – это только начало пути к миру и стабильности в регионе. Чтобы покончить с ИГ, необходимо прилагать систематические усилия к воссозданию центральной власти в Ираке, Ливии, а также предпринимать шаги к ликвидации ответвлений ИГ в Северной Африке и, что особенно важно, создать

⁵⁷ URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2004143

⁵⁸ URL: http://www.mid.ru/posledniye_dobavleniye/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/1978116

⁵⁹ В резолюции 2253 (2015) Совета Безопасности ООН «Исламское государство» обозначено аббревиатурой ИГИЛ (ДАИШ).

⁶⁰ URL: http://www.mid.ru/web/guest/maps/tr/-/asset_publisher/Fn23Klb76LY2/content/id/1990277

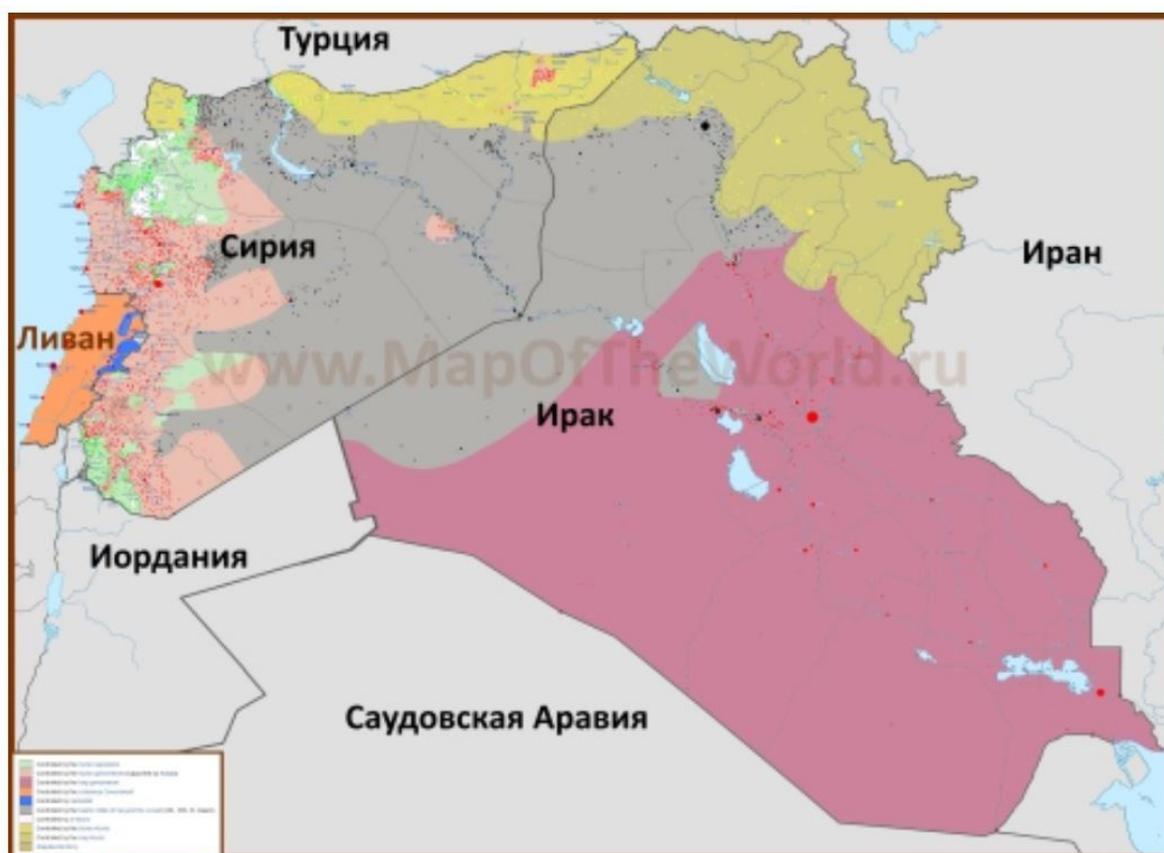
заслон против проникновения террористов из Афганистана в Центральную Азию и дальше на север. Борьба с ИГ должна предусматривать сочетание политических, военных, экономических и социальных мер. Ее необходимо координировать в международном плане»⁶¹. Достижению этих целей препятствует противоречивость интересов региональных сил, способных (но не всегда стремящихся) внести вклад в вытеснение ИГ – будь то многочисленные («опозиционные») формирования на местах или влиятельные внешние игроки – аравийские нефтяные монархии, Иран, Турция, не говоря уже о странах НАТО и России. Здесь следует подчеркнуть, что наша страна последовательно выступает за объединение усилий заинтересованных государств для радикального уменьшения конфликтного потенциала Ближнего Востока, ликвидации террористической угрозы.

После восстановления системы политической стабильности в Ближневосточном регионе для России могут возникнуть новые возможности расширения многостороннего сотрудничества с арабскими государствами. Представляются необходимыми и вполне реальными подготовка и осуществление в этом регионе при содействии мирового сообщества, включая Россию, экономических, образовательных, социальных и иных проектов как эффективного противовеса планам военно-силового навязывания демократии. Это поддержит стабильность правящих режимов и создаст условия для постепенной модернизации сложившихся на протяжении длительного времени систем управления с учетом местных ресурсов, традиций, племенных, клановых и этно-конфессиональных отношений. Несовершенство хозяйственных моделей, медлительность в их реформировании создают заколдованный круг: экономическое отставание обостряет социальные, этнические, конфессиональные конфликты, которые в свою очередь ведут к дальнейшей деградации национальных экономик. Этот порочный круг должен быть разорван коллективными усилиями, опирающимися на согласованные решения, принятые, прежде всего, в рамках ООН.

⁶¹ Торкунов А. В. За что мы воюем в Сирии? // Историк. 2015. № 11. С. 96.

Приложение 1

Карта территории, контролируемой «Исламским государством» (обозначено серым цветом) по состоянию на ноябрь 2015 г.

Источник: Электронный ресурс Интернет-портала «Wikimedia Commons». URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Syrian,_Iraqi,_and_Lebanese_insurgencies.png#filehistory

Приложение 2

Территориальные притязания «Исламского государства» на 2020 г.

Источник: *The Structure of the Islamic State (ISIS)*. Jerusalem: The Jerusalem Center for Public Affairs. - September 8, 2014. URL: <http://jcpa.org/structure-of-the-islamic-state/>

Институт международных исследований (ИМИ) МГИМО – Университет МИД России создан в мае 2009 г. в целях развития и углубления аналитической работы Университета в области международных отношений, придания ей системного и прогностического характера, освоения новых исследовательских секторов (региональных и проблемных), проведения экспертизы и обоснования внешнеполитических инициатив и мероприятий. В сферу научных интересов ИМИ входит изучение концептуальных аспектов внешней политики России, выявление и исследование тенденций эволюции и развития международных процессов, анализ крупных и актуальных международных проблем.

ИМИ является правопреемником и продолжателем исследовательских и аналитических структур МГИМО – Университета: Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа международных отношений (1976–1990 гг.), Центра международных исследований (1990–2004 гг.) и Научно-координационного совета по международным исследованиям (2004–2009 гг.).

В настоящее время в состав ИМИ входят одиннадцать научных центров:

Центр глобальных проблем,
Центр постсоветских исследований,
Центр БРИКС,
Центр евроатлантической безопасности,
Центр проблем Кавказа и региональной безопасности,
Центр исследований Восточной Азии и ШОС,
Центр ближневосточных исследований,
Центр региональных политических исследований,
Центр партнерства цивилизаций,
Центр североευропейских и балтийских исследований,
Аналитический центр.

Директор ИМИ – *А. А. Орлов*, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посланник.

«Аналитические доклады» Института международных исследований МГИМО – Университета МИД России (до мая 2009 г.). – «Аналитические доклады» ИМИ издаются с ноября 2004 г. Выходят с периодичностью не реже одного раза в квартал тиражом от 300 до 900 экземпляров. Рассылаются в Администрацию Президента Российской Федерации, МИД России, другие органы исполнительной и законодательной власти, российские представительства за рубежом, профильные научно-исследовательские центры системы РАН, ведущие политологические центры, а также крупные библиотеки. Материалы для данного издания готовятся входящими в состав ИМИ МГИМО МИД России научными центрами, а также известными российскими дипломатами, учеными, общественными деятелями.

Связь с редакцией по адресу: ktsmi@mgimo.ru

